Дм. Кленовский

СТИХИ

Мюнхен
1967

С т и х и

Международное Литературное Содружество

Published by author and Inter-Language Literary Associates.

Д. Кленовский

Дм. Кленовский

Стихи

ИЗБРАННОЕ ИЗ ШЕСТИ КНИГ
И
НОВЫЕ СТИХИ (1965—1966)

Мюнхен
1967

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

В этот сборник включены, в порядке их последовательности, избранные стихи из сборников:

«След жизни» (1950);
«Навстречу небу» (1952);
«Неуловимый спутник» (1956);
«Прикосновенье» (1959);
«Уходящие паруса» (1962);
«Разрозненная тайна» (1965).

Кроме того в сборник вошли особым разделом новые стихи, написанные в 1965 и 1966 гг., после выхода «Разрозненной тайны» и в сборниках еще не опубликованные.

Первые пять из перечисленных выше сборников носили посвящение «моей жене», сборник «Разрозненная тайна» — «моим друзьям».

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Я мертвым был. На тройке окаянной
Меня в село безвестное свезли
И я лежал в могиле безымянной,
В чужом плену моей родной земли.

Я мертвым был. Года сменяли годы.
Я тщился встать и знал — я не могу.
И вдруг сейчас под легким небосводом
Очнулся я на голубом снегу.

Ужели спáла с глаз моих завеса
И я могу с сухого снега встать
И выпал пистолет из рук Дантеса
И бег мгновений обратился вспять?

И вот иду я узкою тропою,
Лицо свежит неторопливый дождь
И Болдинская Осень надо мною
Златит листву у придунайских рощ!

1945

ДОЛГ МОЕГО ДЕТСТВА

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И вековыми липами хранима
Играла муза девочкой в саду.

И Лицеист на бронзовой скамье,
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире,
Ей улыбался и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Всё это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажи
И Город Муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.

Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей — ты.

1949

МОЯ РУКА

Моя рука — день ото дня старей,
Ее удел с душою одинаков.
Немногое еще под силу ей:
Стакан наполнить, приласкать собаку,
Сиреневую ветвь ко мне нагнуть
(Ее сломать ей было б тоже трудно),
Да записать стихи, да изумрудной
Студеной влаги с лодки зачерпнуть.
И это всё. Но в скудости такой,
Овеянной вечернею прохладой,
Есть вечности целительный покой,
Есть чистота . . . — и лучшего не надо!
И хорошо, что силы больше нет
У встречной девушки украсть объятье,
Степному зайцу выстрелить вослед,
Солгать товарищу в рукопожатьи,
Что нетерпенье юности моей
Сменила мудрость осторожной дрожи . . .
Пусть ты слаба и с каждым днем слабей,
Моя рука — ты мне такой дороже!
Вот на тебя смотрю я без стыда,
Без горечи и радуюсь невольно,
Что ты уже не можешь сделать больно
Отныне никому и никогда.

1947

Вот уж осень ставит свой росчерк
Под законченной книгой лета
И она просиявшей рощей
В золотой переплет одета.

И оттиснуты на сафьяне
Перелетною стаей птицы.
Зимним вечером на диване
Перечтем мы ее страницы.

Вспомним ивы, овсы, малину
Между пнями на солнцепеке,
Бархат полночи соловьиной,
Колокольчик голубоокий.

Знать, писалась непонапрасну!
Ведь досталось и нам немного
Чистой радости, ласки ясной —
Дорогого подарка Бога.

Ничего, что и жизнь, как птица,
Улетела, пропала где-то . . .
В самом сердце ее страницы.
Перечтем же их! Вспомним лето!

1949

Легкокрылым Гением ведомы,
Улетели птицы за моря.
Почему же мы с тобою дома
Этим хмурым утром ноября?

Может нужно было взять котомку,
Палку, флягу, пару верных книг
И пуститься ласточкам вдогонку
Через лес и поле напрямик!

Только тем, кто медлят, невозможно
Причаститься радостей земли.
Через все шлагбаумы, все таможни
Невидимками бы мы прошли.

И наверно б вышли мы с тобою
Завтра утром к розовым камням,
Тонким пальмам, пенному прибою —
Золотым, благословенным дням.

И наверно самой полной мерой
Было б нам, дерзнувшим, воздано
За крупицу настоящей веры,
За одно горчичное зерно.

1949

Снова ночь и снова сердце плачет,
И тихонько кто-то говорит:
— Милый! Это ничего не значит!
Пусть немного сердце поболит!

Посмотри: ведь для такой же боли,
Взмаха затупившейся косы,
И пшеница шелестела в поле
Золотом несжатой полосы.

Чтобы после корочкой хрустящей
Всех она порадовать могла,
Став еще душистее и слаще,
Чем она нескошенной была.

1949

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить.

Если мальчик бредет из школы
И, насупившись, смотрит вбок —
Подари ему нож веселый,
Смастерить ружье и свисток.

Если девушка на рассвете
Замолчит на твоей груди,
Как молчат, наигравшись, дети —
Через жизнь ее проведи.

Это всё, что во славу Бога
Можешь сделать ты на земле.
Это мало и это — много.
Это — словно цветок в скале.

1948

Мария!

Иоан. 20, 16

Моя душа — что мироносица
Перед разверстою гробницей:
К заветнейшему чуду просится
И лицезреть его боится.

О, маловерная! Проникнуты
Боязнью все твои стремленья!
И если б не была окликнута —
Ты не упала б на колени!

1949

Все мы нынче так или иначе
Ранены стремительной судьбой,
Но пока один зовет и плачет —
Говорит, к нему склонясь, другой:

Брат! Да будет и тебе открыто:
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена.

1949

Прозрачным сном прекрасна ночь моя,
Мне, пробудясь, листать не нужно сонник,
И круглым хлебцем радость бытия
Кладет мне утром Бог на подоконник.

И посолив отрезанный ломоть
Дневной заботой, болью и тревогой,
Прияв опять мою земную плоть,
Я дальше мерю долгую дорогу.

И с каждым днем она понятней мне:
В ней поровну всего! И я доволен
Не только тем, что хлеб в моей суме,
Но также тем, что этот хлеб — присолен.

1949

Елочка с пятью свечами
Без игрушек и сластей
Робко льет скупое пламя
В нищей комнате моей.

Ах, не также ль у порога
В мой заветный Вифлеем
Сам стою я перед Богом
Неукрашенный ничем!

Только иглами сухими
Всех земных моих тревог,
Только свечками скупыми,
Что Он сам во мне зажег.

И мою пуская душу
В путь намеченный едва,
Сам же скоро и потушит —
До другого Рождества!

1947

ПРОСЬБА

В день, когда уже ничто не может
Возвратить утраченные дни,
В час, которого не будет строже —
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня Ты отними!

Чтоб забыл я, что когда-то, юный,
По весенним рощам я бродил,
Рвал черемуху и трогал струны,
Провожал серебряные луны,
Розовые зори сторожил.

Чтобы ничего я не запомнил,
Чем мгновенья были высоки:
Ни одной моей подруги дольней,
Ни одной тосканской колокольни,
Ни одной онегинской строки.

Чтоб навек погасли надо мною,
Отзвенели бы и отцвели
Все сады, все звезды, все прибои —
Всё, что я в дорогу взял с собою
Из сокровищ неба и земли.

Если сердце всё это забудет —
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.

1946

СЛЕД ЖИЗНИ

Люблю читать на первом снеге
  Скупые заячьи следы.
Смотри: здесь был он на ночлеге,
  Тут уходил он от беды,

Там он сидел, прижавши уши,
  Водя усами на ветру,
А здесь неторопливо кушал
  С березки сладкую кору.

И на душе тепло и славно,
  И я, не отрывая глаз,
Читаю этот своенравный,
  Наивный заячий рассказ,

И думаю: быть может Кто-то
  Моих неизгладимых лет
С такой же милою заботой
  В моей душе читает след.

И всё, что мне цвело так дивно,
  Так пело сердцу и уму,
Такой же повестью наивной
  Наверно кажется Ему!

1945

НЕЖНОСТЬ

Нежность душная сердце жжет
Ко всему, что живет и дышет,
Норы роет и гнезда вьет,
Плод лелеет и лист колышет.

Так и взял бы весь мир себе,
Крепко к сердцу прижал, ликуя!
Только в нищей моей судьбе
Где мне силу найти такую?

Знаю: после, когда я сам
Перестану быть только тленьем,
Этим жадным моим мечтам
Отыщу я осуществленье.

А пока . . . А пока я здесь
Обречен лишь внимать и видеть,
Хлеб украденный молча есть,
Огорчаться и ненавидеть . . .

Отпусти же меня скорей
В тишину Твоей звездной рощи,
Где заветной мечты моей
Ничего нет легче и проще!

1947

РАДОСТЬ

Пусть дано тебе жизней много,
Но сейчас ты живешь одну.
Пусть она только слог, но слогом
Строишь слово. Служи ему.

Строй его хорошо и просто,
Как в горах одинокий дом.
Пусть доска и пила, как сестры,
Породнятся в труде твоем.

Будь расчетлив в числе и мере,
Не волнуйся и не спеши,
А построишь — над низкой дверью
Надпись четкую напиши.

Чтобы люди, прочтя, узнали,
Что в рабочие будни дней
Жил ты в радости и в печали,
Но что радость была сильней.

Что ее ты, входя сегодня
К ней хозяином на порог,
Не украл, не купил, не поднял —
Сам сработал и уберег.

1948

ЖИЗНЬ

Это всё гораздо сложнее,
Чем в мудрейшей из наших книг.
Жизнь твоя . . . — ты сроднился с нею,
Как к любовнице к ней привык.

Ездишь с нею по ресторанам,
И закуриваешь не спросясь,
И на коврик ее медвяный
На ботинках приносишь грязь.

А она? . . Для нее названья,
Как ни бейся, не подберешь!
В ней и вечности замиранье,
И мгновенья живая дрожь.

В ней минувшего тяжкий камень
И грядущего легкий пар.
Зачарованными путями
Пролегает ее тропа.

Светят солнца в нее и луны,
И пронизывают ее
Золотые, тугие струны —
Мира звонкое бытие.

И совсем не словами — песней
Говорит, наклоняясь к ней,
Светлоликий, крылатый вестник,
Верный спутник судьбы твоей.

И от этих сияний звонких,
Этих песен, блужданий, встреч
Обессилев, она ребенком
Хочет рядом с тобой прилечь.

С ней бы надо, как с самой хрупкой,
Самой кроткой и чистой быть,
Озабоченною голубкой
Над ее головой кружить;

Отдыхать на плече покорном
Словно в бурю на берегу
И клевать золотые зерна
Из ее приоткрытых губ.

1949

ПАМЯТИ ГОРЬКИХ ЛЕТ

Не сейчас! — в Христово Воскресенье,
Под адриатический прибой,
В померанцевых садах Мантеньи*
Было бы нам встретиться с тобой!

А на самом деле: ночь и стужа,
Степь и паровозные гудки.
Перед фонарем снежинки кружат —
С наших мертвых яблонь лепестки.

В обреченные, дурные годы
Мы с тобой, любимая, живем . . .
Почему же в эту непогоду
Всё-таки нам хорошо вдвоем?

На твоей щеке снежинки тают
И рука под шубкой горяча,
А висок так сладко отдыхает
В узкой ямке твоего плеча.

Скрипнули и заскулили оси . . .
Вот мы снова в безымянный путь
Равнодушные тела уносим,
Забывающие отдохнуть.

Потерпи еще немного! Вскоре
Мы проснемся в странной тишине,
Взглянем — и внизу увидим море
С парусом на голубой волне.

---

* Итальянский художник эпохи Возрождения.

Побежим к нему крутой тропинкой
Сквозь притихший сад, где там и тут
Ящерицы с изумрудной спинкой
Золотые грозди стерегут.

Задыхаясь, ступим на горячий,
Жемчугом унизанный песок —
И поймем . . ., и так легко заплачем,
Как я в детстве только плакать мог.

А оставленные нами трупы
Выкинут соседи на ходу.
Разве им понять, слепым и глупым,
Нашу радость и свою беду?

Разве мы вернемся и расскажем,
Что мы белым парусом плывем,
Белой пеной ворох кружев вяжем,
Свежим ветром в облаках поем?

Потерпи еще, моя родная!
Нам уже совсем недалеко
До почти немыслимого рая,
Где светло нам будет и легко!

1946

ПОЕДИНОК

В этом замке всё уже давно
Язвой тления поражено.

Бледно-розоватая стена
Празеленью мутной солона.

Солнечных часов хромой паук
Полустертый вяжет полукруг.

Статуя с отбитою рукой
Сторожит свой собственный покой.

И морщинами со всех сторон
Трещины змеятся вдоль колонн.

Никого не любят здесь, не ждут.
Смерть как будто торжествует тут.

Но вверху, на каменном гербе,
Ласточка гнездо свила себе.

Но у входа тяжкая плита
Корнем дерева приподнята.

Но зимой, в сиреневую рань,
Мох со статуй сглаживает лань.

А кругом в снегу бежит, таясь,
Заячьих следов живая вязь.

Новой жизни свежие ростки
Здесь повсюду внятны и близки.

Пусть, еще несмелая, она
С виду беззащитна и нежна.

Но в веках она переживет
Твердость скал и неизбывность вод.

Слабую, беспомощную плоть
Крепче камня сделал нам Господь.

С каждым летом камни хрупче тут,
Но пышней азалии цветут.

И весенней ласточки слюна
В беге дней прочнее, чем стена.

Нетерпеньем тела и души
Подгоняемая, жизнь спешит.

Стройным сыном, словом и мечтой
Жизни ты навек причастен той.

Не пугайся тленья и могил!
Навсегда бессмертен тот, кто жил!

1947

ДВОЙНИК

Я стою у своего же дома
И я вижу, как в моем окне
Свет горит и силуэт знакомый
Иногда мелькает на стене.

Это я брожу там до рассвета,
Говорю с собою наяву,
Письма жгу, и мертвого поэта
На свиданье страшное зову.

Темнота на улице безлунной,
Лишь одно окно слепит и жжет
И на нем решеткою чугунной
Стынет рамы черный переплет.

Я давно уж сам себя покинул,
Через свой порог перешагнул,
Я давно уже из сердца вынул
Ржавой жизни жесткую иглу.

Но остался жить на этом свете
Меж бессонниц, призраков и книг,
За меня перед людьми в ответе,
И чужой и близкий мне двойник.

Он тоскует. Он напрасно множит
Обреченные уже пути.
Он ломает руки и не может
Ни остаться в мире, ни уйти.

И не знает он, что близко где-то
Я стою сейчас на мостовой,
Богом и прощенный и согретый,
Навсегда свободный и живой.

Чем теперь могу ему помочь я?
Забрести лишь разве на огонь,
Да на лоб горячий злою ночью
Положить прохладную ладонь?

Но меня всегда невольно тянет,
Как преступника в забитый дом,
Подглядеть, когда ж он перестанет
И бродить и плакать за окном.

Может он уж раздобыл в дорогу
Непахучий белый порошок
И, тая смертельную тревогу,
Делает мучительный глоток?

Подожду я, улицу померю,
А когда затеплится рассвет
Постучусь я у знакомой двери
И узнаю, жив я или нет?

Если нет — не надо будет боле
Ни следить, ни слушать, ни жалеть,
И уйду я свежим ветром в поле —
Золотой пшеницей шелестеть . . .

1947

На сухом полотне заката —
Сок вишневый и бирюза.
Отожгло, отошло куда-то . . .
Можешь снова открыть глаза.

Можешь вновь в колеях дорожных
Оброненную жизнь искать,
Терпеливо и осторожно
Можешь пыль шевелить опять.

Только что подберешь ты, нищий,
На распутьи пустых дорог?
Разве вечером ты отыщешь,
Что с утра ты не уберег?

И одно лишь тебе осталось:
Сесть на камень и молча ждать
Отпускающую усталость —
Смерти горькую благодать.

1946

Вот стоишь, такая родная,
В старой шубке, в простом платке,
От обещанного нам рая
Держишь ключик в пустой руке.

Выйдем снова вдвоем в дорогу!
Вечереет. Дымят холмы.
Нам идти уж совсем немного —
Ничего, что устали мы.

Лишь бы только не разлучило
Нас ничто на глухом пути,
Лишь бы вместе хватило силы
До Высоких Дверей дойти.

Дай, друг друга мы перекрестим,
Как привыкли уже давно.
А что нас туда пустят вместе —
Это, милая, решено.

1947

НИЩАЯ ВЕСНА

Я бродил по талым косогорам,
Мартовскую слушал тишину
И в кустах над ручейком нескорым
Повстречал я Нищую Весну.

Шла она почти совсем нагая,
Кутаясь в туманы и дожди,
Осторожно ветки раздвигая
И пути не зная впереди.

Но уже каштановые пряди
Золотом сквозили на ветру,
Но уже прибавился в наряде
Пролесок, расцветший поутру.

Подошла ко мне и застыдилась,
Руки уронила и ждала,
Только быстрым взглядом заслонилась,
Но прохладных губ не отняла.

Я сказал ей: пусть тебя другие
И умытой и нарядной ждут,
Косы заплетающей тугие
Майским днем в сиреневом саду!

Ты мила мне именно такою:
Неуверенной в себе самой,
С незаплетенной еще косою,
С удивленных глаз голубизной.

И беспомощной, и виноватой,
И не знающей, вперед спеша,
Что сегодня утром для меня ты
Первым поцелуем хороша!

1945

Гостили мы на острове зеленом,
Среди акаций, уток и камней,
Лишь кампанильи легким перезвоном
Стучались в тишь апрельских этих дней.

Была скамья на берегу залива,
А рядом с нею — ивы и лужок.
И, выкупавшись вместе с нами, ивы
Опять, кряхтя, вростали в бережок.

Те дни прошли. О, как их было мало
И как они все были коротки!
Скупая горсть, которой нехватало
Ни для твоей, ни для моей руки.

И, уезжая, с борта парохода
Глядели мы, волненье затая,
На аметистом тронутые воды
И бережок, где ивы и скамья.

...Не так ли вот в каком-нибудь апреле,
Пускаясь в путь на легком корабле,
Мы разглядим скамью, где мы сидели,
Когда с тобой гостили на земле?

1948

Мне в веках тебя не прославить,
Ни Лаурой, ни Беатриче,
И придется, видно, оставить
Этот славный земной обычай.

Но когда прочитают люди,
Как мне звезды в ночи светили,
Как меня эти звезды любят —
Эти звезды мои не ты ли?

И когда расскажу еще я
О весне, на тебя похожей,
О веселом, как ты, прибое —
Это будешь не ты ли тоже?

Так и жить тебе, жить вовеки,
Не любовницей, не женою,
Не стихами о человеке,
А о звездах и о прибое.

1949

Ночь была такою тяжелою,
Словно я ее нес века.
Неподвижным, студеным оловом
Наклонилась ко мне река.

И усилья не надо было бы,
Чтоб сомкнулась над головой,
И никто б никогда не выловил
Захлебнувшийся голос мой.

И когда бы не ты орешником
Обхватила меня за грудь,
Было б всё как давно обещано —
Да и будет когда-нибудь.

1948

ПРОХЛАДА

На рубеже последних дней
Мне больше ничего не надо,
Вокруг меня уже прохлада
Прозрачной осени моей.

Пусть стали медленней движенья,
И голос изменяет мне,
Но сердца в полной тишине
Красноречивее биенье.

Ложится сумрак голубой
На тяжелеющие веки
И так прекрасно быть навеки
Наедине с самим собой.

1947

ЛИШНИЙ

Как собака из лужи пьет,
По колючим помойкам рыщет —
Так и он свою жизнь живет,
Свое нищее счастье ищет.

Знает трусость и знает злость,
Знает, жгучее раз от разу,
Как прекрасна простая кость
Кем-то вываренная до отказа.

А умрет он, как клячи мрут
На ноябрьской крутой дороге:
Напоследок лишь отпрягут
Да немного откатят дроги.

Сунут сена ненужный клок
К морде, тронутой пеной алой,
Да шлею под шершавый бок . . .
Пожалеют еще, пожалуй!

И останется лишь дымить
Лужа крови в снегу дорожном . . .

Скажешь: можно ль так жизнь прожить?
И оказывается — что можно.

1947

НА ПОБЫВКЕ

Вот с тобой мы снова на побывке
На далекой родине-земле.
Перед нами мутные опивки
В неуклюжих кружках на столе.

Где мы это? Верно на вокзале?
Все спешат, повсюду грязь и пыль . . .
Хорошо, что мы с тобою взяли
В дальний путь заветную бутыль!

Приложись к напитку золотому
И соседу предложи глоток.
Он не хочет? Не привык к такому?
Говорит, что он ему не в прок?

Есть обратный поезд в 9.20,
Это лучше, чем в 17.06.
Будем понемногу собираться.
Всё равно не оставаться здесь!

1949

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ СОН

В пустынных парках Царского Села
Бредет, стеня, осеннее ненастье . . .
Мне страшно здесь! Здесь юность солгала,
Растаяв первым и последним счастьем;

Здесь призраки свиданья длят свои,
Здесь мертвецы выходят из могилы,
Здесь ночью гимназиста лицеист
Целует в окровавленный затылок;

И гимназистка, в узком ремешке
Пенал и книги на ходу роняя,
Спешит в изнеможеньи и тоске
И двух, вперед ушедших, догоняет.

И почему-то вдруг опять весна
И белой ночи вещее молчанье . . .
Но призраками бредит тишина,
О них тоскуют дремлющие зданья.

О если б кто проснулся наконец,
Упал бы стул, заплакали бы дети!
И горько кипарисовый ларец
Благоухает в строгом кабинете.

Лишь отрок, у окна встречая день
(Ему не нынче было бы родиться!),
Не спит, и царскосельская сирень
К нему слетает песней на страницу.

О, призраки! О, царскосельский сон,
Пронизанный и радостью и мукой!
Кто зрит его, того связует он
Безмолвной и торжественной порукой!

Не та же ли судьба повторена
В трагическом содружестве поэтов?
Не та же ль казнь? И нету в мире сна
Страшнее и прекраснее, чем этот!

1947

ПУТЬ К ЛЮБВИ

> Назначение земли — стать планетой Любви.
>
> *Рудольф Штейнер*

Всё в жизни к нам приходит через боль,
Всё лучшее — сперва томит и мучит.
Суровый ангел совершенству учит.
Создать себя — нужны армады воль,
Помноженных на бездны и на кручи.
Неисчерпаема земная соль.
Мы выстрадать должны свои творенья:
Ребенка, истину, стихотворенье.

Когда-то в мир, где мы живем сейчас,
С болезненным упорством, неумело,
Как зуб, прорезывалось наше тело.
И то, что нынче пиршество для нас,
В чем красота и радость без предела:
Живые звезды наших ясных глаз —
К познанью мира открывая двери,
Милльоны лет нам проедали череп.

Вот и сейчас: для будущих времен
Мы копим клад — его зовут Любовью.
Он нас томит неумолимой новью,
Он едкой раной в душах погребен.
Мы покупаем блеск его и звон,
Расплачиваясь совестью и кровью,
Но царское богатство, как песок,
Сквозь пальцы льется в пыль земных дорог.

Пока еще, как по тяжелым плитам,
Шагаем мы, не признаваясь в том,
По брошенным, обманутым, забытым,
Растленным (и задушенным потом!).
Мы давим губы искаженным ртом,
Мы дремлем рядом с нами же убитым,
Мы палачами по чужим домам
Проходим. Никого не жалко нам!

Но в дрожи рук перед бегущей ланью,
Но в птице, выпущенной из силка,
В сияньи обойденного цветка,
В слезах разлуки, в трепете свиданья,
В ломте, отрезанном для бедняка,
И даже в самом жалком обладаньи,
Коверкающем судорогой рот —
Скупой росток грядущего живет.

Так будем же, как пчелы, терпеливы
И соберем по капле трудный мед!
Насытить мир — придет его черед.
Пускай потом, когда нибудь, счастливый,
Его другой в самом себе найдет,
И повседневностью сочтет красивой,
И не поверит, всё познав сполна,
Каких мучений стоила она.

1947

НА КЛАДБИЩЕ

Мы уже всюду были,
Хочешь — зайдем сюда?
Тесно нас обступили
Холмики в два ряда.

Каждый из них украшен
Лилиями в цвету.
Ласточка пьет из чаши
Каменной на-лету.

В церкви звонят к вечерне . . .
Надпись везде одна:
Золотом или чернью —
Сроки да имена.

Видишь, как мало надо
Времени и пути,
Чтоб до простой ограды
С жизнью вдвоем дойти!

Тени кругом сгустились,
Даль в предвечерней мгле.
Может быть загостились
Мы на своей земле?

В мире о нас забыли,
Дома давно не ждут . . .
Мы уже всюду были!
Хочешь остаться тут?

1948

Скажешь: был он зимней зорьки проще,
Ласковый и бережный такой!
Жил он — деревцем в Господней роще,
Умер — словно песня за рекой.

Вот еще зовет вдали и плачет,
Вот уже и вовсе не слышна.
Тишина... Но разве это значит,
Что умолкла навсегда она?

Нету песни благостней и выше,
Чем от нас ушедшие поют.
Это только мы ее не слышим,
А она звенит! В ином краю...

1948

ВСЕВЫШНЕМУ

Свет горит во мне и надо мною —
Мрака нет и нету пустоты!
Звездным небом и моей душою
Ты твердишь, что существуешь Ты!

Как слепой ребенок, от рожденья
Материнского не знав лица,
Всё-таки запомнил шепот, пенье,
Бережной руки прикосновенье,
Теплоту и нежность без конца —

Так и я Тебя, не видя, знаю,
Разуму земному вопреки
Я Твое дыханье ощущаю,
Песню слышу, шепот понимаю,
Чувствую тепло Твоей руки.

Милостив ко мне Ты бесконечно:
Ты тропинку мне даешь в лесу,
В море — ветер, в небе — пояс млечный,
В поле — зреющую полосу.

Ты прекраснейшую из любовей
В сердце мне, как радугу, зажег,
Мир огромный показал мне внове,
Песенное дал биенье крови
И не раз простил и уберег.

Как же я Твое не вспомню имя,
Сущего, Тебя не назову!
Жизнь проходит тропами глухими,
И Тобой, щедротами Твоими —
Только ими! — я еще живу.

Если нужно, стань ко мне жестоким:
Труд развей и жизнь мою сожги.
Лишь одно: на все земные сроки,
Безымянными, вот эти строки
Во свою же славу сбереги!

1945

Последних мук не утаить
Ни равнодушьем, ни усмешкой . . .
Еще хотелось бы пожить,
Немного на земле замешкать!

Я знаю, как прекрасно там,
В мирах невидимых отсюда,
И час придет — себя отдам
Испепеляющему чуду.

Но как-то боязно всегда
Сменить на пышные хоромы
Лачугу песен и труда,
Где плохо мне, но где я дома.

Где всё понятно, где окно
Откроешь — и увидишь крыши,
Где можно, если всё равно,
И не взглянуть ни разу выше.

О, черепица бытия!
Лукавый сторож нашей лени!
Ты видишь, сам кидаюсь я
Перед тобою на колени,

И сам привычное мое
Продлить молю я заточенье —
Лишь только бы не лезвеё
Щемящего освобожденья!

1951

Их ровно шестьдесят от сердцевины —
Тугих колец на спиленном стволе.
Ровесник мой на медленной земле,
Вот и закончен он, наш путь единый!

Исчезнуть — мне. Тебе же — жить и жить,
Стать дверью, лодкой, скрипкой, колыбелью,
Бессмертному земному новоселью
Еще светло и чисто послужить:

Спеть, убаюкать, привезти, впустить...

О, если бы и мне вослед тебе
Продлить мой срок, мой срок скупой и тленный,
Мое участье в зреющей судьбе,
В движеньи, в пеньи, в зодчестве вселенной!

1952

Здесь всё совсем не так, как надо:
Здесь песен не поют цветы,
Здесь небо синим водопадом
Не прогрохочет с высоты;

Здесь звезды не благоухают,
Недвижны скалы подо мной,
И ангелы, не отвечая,
Меня обходят стороной.

О, сколько мне еще в смиреньи,
К молчанью сердце приучив,
Терпеть уснувшие каменья
И нерасцветшие лучи?

Пока Невидимого Града,
Ликуя, трубы воззовут
И станет всё опять, как надо,
Как мы давно отвыкли тут!

1951

Я знаю: мир обезображен.
Но сквозь растленные черты
Себя еще порою кажет
Лик изначальной красоты.

Он просияет на мгновенье
И снова скроется во мгле,
Но после каждого виденья
Немного легче на земле.

И с каждым разом мысль упрямей,
Что мир совсем не обречен,
Что, словно фреска в древнем храме,
Лишь грубо замалеван он.

И некий Мастер, в час свершений
К нему заботливо склонясь,
Освободит от оскорблений
Его классическую вязь.

1951

Опять, опять! Всё это прежде было
И повторяется в который раз!
Вот так же море в жесткий берег било,
В провалах туч закат, срываясь, гас;

И ветер дул, и так же было надо,
Изнемогая, выпустить из рук —
Не жизнь (что жизнь!) — тебя, моя отрада,
Из тьмы времен мне возвращенный друг!

И так всегда! И в новом повтореньи
Я, так же как и в прежних, не пойму,
Кому вот это страшное служенье,
И эта верность горькая — кому?

Что знаю я? Но спутник мой крылатый
Меня зовет и говорит: — взгляни!
И вижу след девической ступни
На золотистой отмели Евфрата.

1951

Нехорошо о слишком многом знать,
Неразделенной радостью томиться,
Над книгою прочитанною ждать
Пока другой перевернет страницу.

Мне не с кем перекинуться мечтой
И некому довериться до срока...
О, жизнь моя, я словно правнук твой!
Как от тебя я убежал далеко!

А ты осталась где-то позади,
Со старческим следя недоуменьем,
Как я свободно, с песнею в груди,
Взбегаю по стремительным ступеням.

Но страшно мне. И боле не спеша —
Ищу, зову, но все мертвы и глухи.
И, присмирев, я замедляю шаг,
Опять, опять равняясь по старухе.

О, если бы перелететь стремглав
Тысячелетий пыльные предместья,
И к воротам акрополя припав —
Быть наконец с ровесниками вместе!

1951

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

От чего сегодня оттолкнуться
Отлетающим моим стихам?
На какой мне шорох обернуться,
Над какой мне лужицей нагнуться,
Чтобы в ней увидеть звездный храм?

О, я знаю: лишь в прикосновеньи
К повседневности моей земной
Обрету нездешнее виденье,
Лишь в ее прозрачном отраженьи
Просияет мир передо мной.

Если б не было ее, смиренной,
Предо мной поверженной во прах,
Я бы заблудился непременно
В неизбывном грохоте вселенной,
В Скорпионах, Девах и Стрельцах.

С ней же мне и дальний путь не дален!
В каждой капле, камешке, листе
Шумный космос дремлет, изначален.
Оттолкнулся — и, глядишь, причален
К самой невозможной высоте!

1950

Темен путь среди земного мрака.
Как могу понять себя, познать я!
Так сургуч не понимает знаков
В нем навек оттиснутых печатью.

Но разящее прикосновенье
Ощутил он в трепете и дрожи
И хранит прекрасное раненье —
Оттиск духа на остывшей коже.

И пускай еще никак сегодня
Не прочесть мне своего названья —
Знаю я: на мне печать Господня!
Мне довольно этого сознанья.

1950

ЖИЗНЬ

Не доро́гой — тропой дремучею
Мчишься гоголевским Хомой.
Оседлала меня, замучила,
Наглумилася надо мной.

Осадить бы! В крапиву свалится!
Только страшно — ведь в тот же миг
Обернется она красавицей
И предсмертный раздастся крик.

Будет стройною, черноокою
На земле лежать, не дыша,
И заплачу над ней, жестокою,
Той, что всё-таки хороша.

1951

В КОМНАТЕ УМЕРШЕГО

Да, опустело здесь . . . На кресле, за столом —
Повсюду нет уже родного силуэта.
И эта тишина! И вот: не быть вдвоем . . .
Как это оправдать и как осмыслить это?

И всё-таки — не плачь! И комнату покинь!
Сойди по лестнице и, стоя на пороге,
Вглядись в рассветную бледнеющую синь.
Ты видишь, это он шагает по дороге!

Не нужно! Не зови! Его уж не вернуть!
Но знай: он жив еще и жить ему без счета!
Он только погостил и снова вышел в путь.
И, слышишь, он поет! Вдали. За поворотом.

1950

В ЛЕСУ

Июльский полдень зноен, что костер,
Но здесь, в лесу, для путника отрада:
Он свежестью пронизан до сих пор,
Предутренняя медлит в нем прохлада.

Остановись. Присядь на мшистый пень,
В орешнике едва заметный глазу,
И допивая утреннюю лень —
Прислушайся к чудесному рассказу.

Слетает лист на розоватый мох,
Струит грибок свое благоуханье
И слышен шорох, шелест, шепот, вздох —
Неутолимый говор мирозданья.

1947

В тот край дорога неисхожена
И вьется тропкою глухой,
И хохотом вспугнет прохожего
Под вечер леший за ольхой.

Но неприметными приметами,
Кто ей доверился, ведом:
Слетает лист (хотя не лето ли?),
Вздохнет без ветра лес кругом;

Да выйдет из кустов медведица,
Лизнет в ладонь — и снова прочь . . .
И если всё-таки не верится —
То, значит, нечем и помочь.

1950

Корзина с рыжиками на локте,
А за плечом — мешок еловых шишек.
Опушки леса ласковый излишек —
Не царский ли подарок нищете!

Затопим печку, ужин смастерим
И ляжем спать на стружковой перине.
Есть в жизни грань, где ты неуязвим,
Неуязвим, как ветры и пустыни.

1951

Высох ключ, струившийся в овраге.
Полдень жжет. Но вот, взгляни сюда:
В полом пне немного мутной влаги —
Дождевая, прелая вода.

Не расплескивай ее, играя
Хворостинкой! Может быть она,
Скудная и жалкая такая,
Всё-таки кому-нибудь нужна!

Может быть придут ее напиться
Завтра утром белка или ёж...
Или сам ты (может всё случиться!)
К ней с последней радостью прильнешь.

1950

Пирог с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском ли Селе
Иль в Павловске, он здесь, со мною рядом.

Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и ленью —
Он был взыскательный учитель мой
И научил высокому уменью:

Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

1951

Вспомним вместе, вспомним всё с начала!
Утро пело, озеро цвело,
Лодка у короткого причала
Надломила легкое весло.

А оттуда, где, спустясь, опушка
Загляделась в радужную гладь,
Куковала щедрая кукушка —
Было даже и не сосчитать!

Что тайком мы оба загадали —
В этом мы признались лишь потом,
А покуда, сидя на причале,
Толковали о совсем пустом.

Вот уже былое как в тумане,
Но еще с тобою мы не раз
Милую пророчицу помянем,
Что тогда не обманула нас.

1951

Мы жизнь прошли, как поле, рядом
По узкой и прямой меже
И вот белеет дом за садом
И ужинать пора уже.

Соломенную шляпку скинув,
Прическу поправляешь ты,
Я расставляю по камину
Неприхотливые цветы.

И это всё. Ни клятв, ни бдений,
Ни патетических сонат.
Лишь — голова в твои колени,
Притихший дом и спящий сад.

И тонкий серп над ближней рощей
Нам говорит из полутьмы,
Что нет прекраснее и проще
Того, что пережили мы.

1947

ЗВЕЗДЫ

В учебнике учат дети,
Что, мол, далеко звезда.
Но мне в рассужденья эти
Не верилось никогда!

Бывало, еще ребенком,
Я ночью любил не спать
И звезды легко и звонко
Мне сыпались на кровать.

Я с черных ветвей каштанов
Их стряхивал на песок,
Я, ими набив карманы,
Скупить всё на свете мог.

С тех пор, мое сердце — правда? —
И злым я и черствым был,
Но детской веселой правды,
Старея, не позабыл.

И пусть на земле всё низко,
А в небе всё высоко,
Я знаю, что звезды — близко
И встретиться нам — легко.

1950

Мы с тобою ее запомнили,
Эту медленную весну:
Гиацинты на подоконнике,
Восковую их белизну.

А за ними, весь в колких лужицах,
Тихий дворик, московский, тот,
Что — прикажет весна — закружится,
Защебечет и зацветет.

С Новодевичьего, с соседнего,
Мерно пели колокола.
И любовь наша тоже медленной,
Вот как эта весна, была.

Всё прилаживалась, примеривалась,
Подмерзала то там, то здесь,
Чтобы, словно сперва не веря в нас,
После вдвое щедрей расцвесть.

. . . Вспоминаешь, и в сердце — лужицы,
Гиацинты, колокола
И та девушка, в косах, в кружевце,
Что тобою тогда была.

1951

ХРИСТИАНСКАЯ МУЗА

Когда апостол Иоанн
В ночи повествовал о Боге,
Нежданной гостью дальних стран
Явилась муза на пороге.

Блистательно-обнажена,
Она едва внимала Слову.
Казалось, вот сейчас она
Покинет этот кров суровый.

Но Слово зрело и цвело,
Переливалось теплой кровью,
То мудростью спокойной жгло,
То кроткой мучило любовью.

И муза ближе подошла
И, кутаясь в овечьи шкуры,
На край убогого стола
Присела девочкою хмурой.

И длилась ночь. И пел рассказ.
И, незаметная дотоле,
Морщинка меж лучистых глаз
Легла, чтоб не исчезнуть боле.

И жалость скорбью обожгла
Уста, и навсегда богиня
Голгофы оцет пролила
В прозрачный мед своей латыни.

На шее девственной она
С тех пор прохладный крестик носит
И, терпелива и нежна,
Для нас у Бога песен просит.

1947

РОДИНЕ

Между нами — двери и засовы.
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе высоким словом,
На чужбине я служу — тебе.

Я сейчас не мил тебе, не нужен,
И пускай бездомные года
Всё петлю затягивают туже —
Ты со мной везде и навсегда.

Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука . . .
Я через моря, через столетья
Возвращусь к тебе издалека.

Не спрошу тебя и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, всё тебе прощу.

1952

НЕ ЗАБЫТОЕ, НЕ ПРОЩЕННОЕ

Когда весной — чужой весной! —
    Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
    Мой царскосельский день.

Он тронут ранней сединой,
    Ему за пятьдесят,
Но молодой голубизной
    Его глаза горят.

Он пахнет морем и руном
    Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
    И мелом у доски;

Филипповским (вкуснее нет!)
    Горячим пирожком,
Девическим, в пятнадцать лет
    Подаренным, платком...

Стучит капéль, оторопев
    На мартовском ветру,
Звенит серебряный припев
    Кавалерийских труб,

И голуби, набив зобы,
   Воркуют на снегу.
...Я всех забыл, я всё забыл,
   А это — не могу!

✲

За годы зла, за годы бед,
   Со мной друживших там,
Привык терять я даже след
   К покинутым крестам.

Я схоронил отца и мать,
   Я схоронил друзей,
Но их мне легче вспоминать
   Чем запах детских дней.

Всё, чем согрела жизнь меня,
   Я растерял — и пусть!
Вот даже Блока больше я
   Не помню наизусть.

И стало тесно от могил
   На дальнем берегу.
...Я всех, я всё похоронил.
   А это — не могу!

✲

Когда я думаю, что вот
   Там всё теперь не так,
И тот, кто песни там поёт,
   Не близок мне никак;

Со мною августовским днем
Не вспомнит злую весть,
Не скажет: «Вот сейчас, вдвоем,
«Костер» бы перечесть!»

Когда я вспомню, что поэт,
Что всех дороже мне,
Убит, забыт — пропал и след! —
В своей родной стране;

Что тот, кто нам стихи сложил
О чувстве о шестом —
И холмика не заслужил
С некрашеным крестом;

Что даже в эти, в наши дни
На невском берегу
Его и мертвого они
Как волка стерегут —

Тогда я из последних сил
Кричу его врагу:
Я всем простил, я всё простил,
Но это — не могу!

1955

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТИХИ

1

Когда я, мальчиком, с тобой дружил,
Прекрасный город одиноких статуй,
Густой сирени и пустых дворцов,
Тебя еще не посетили беды:
Твой Гумилев был юношей веселым,
Ахматова — влюбленной гимназисткой,
А Иннокентий Анненский еще
Не задохнулся на твоем вокзале,
И даже Пушкин твой казался мне
Еще не мертвым и не взрослым даже,
А шумным одноклассником моим.

Прошли десятилетия. Не счесть
Твоих утрат. Твои дворцы во прахе
Лежат. Твои поэты казнены
Презреньем, пулею или молчаньем.
И только имя Пушкина одно
Еще, как встарь, сияет над тобою
Прекрасным обещанием, залогом
Грядущей правды.

1954

2

Наверно там еще и ныне
Цветет сирень, журчит вода
И дева бронзовая стынет
У лебединого пруда.

Но что-то стало там иначе,
Как если бы в иной предел
Какой-то гений отлетел . . .
Но кто заметит? Кто заплачет?

1955

Те пармские фиалки на окне,
Что выходило на Неву, завяли.
Их нет давно. И нет Невы. И нет
Меня, которого узнал едвали б,
Когда бы нынче встретил. Он хранил
Еще наивность детства, нежность, жалость,
Писал стихи и девушку любил,
Что — нет не с ним — с другими целовалась.
Где он теперь? Его давно уж нет.
Его убили. Нет, совсем не люди.
Так просто где-то затерялся след,
И лучше мы о нем совсем забудем.
А то он будет ночью в дверь стучать,
Заглядывать в окно, слезлив и жалок,
И требовать любви, Невы, фиалок . . .
А что ему ответить? Что подать?

1955

О, только бы припомнить голос твой —
Тогда я вспомнил бы и этот город,
И реку (не она ль звалась Невой?),
И колоннаду грузного собора,
И тонкий шпиль в морозной вышине,
И сад в снегу, такой нелетний, голый . . .
О, если б голос твой припомнить мне,
Твой тихий голос, твой далекий голос!
Что это всё мне без него? А он . . .
Он потонул, как все тогда тонули:
Без крика, без письма, без похорон,
В тифозной качке, в орудийном гуле,
С последней шлюпкой, на крутой волне
Отчалившей от ялтинского мола . . .
О, если б голос твой приснился мне,
Твой дорогой, твой потонувший голос!

1955

В легкой роще, в это утро мая
Пеньем птиц пронизанной насквозь,
Наяву или во сне, не знаю,
Повстречаться с ним мне довелось.

Он скользнул сквозь дрогнувшие ветки
На затрепетавшую траву,
Ждал меня, мучительный и светлый,
Звал меня — во сне иль наяву?

— Ангел мой! — сказал я — Почему ты
Для меня — на дальнем берегу?
Почему я ни одной минуты
Здесь побыть с тобою не могу?

Почему ты только гул прибоя,
Дымный луч, волнистая стезя?
Почему ни говорить с тобою,
Ни тебя увидеть мне нельзя?

...Облако ль внезапно набежало,
Паутинка ль оборвалась сна —
Только вдруг, гляжу, его не стало,
Снова только роща и весна.

Но ответ еще листву колышет,
Пригибает долу стебли трав:
«Надо услыхать меня, не слышав,
И меня увидеть, не видав!»

1953

РАЗ В ГОДУ

По старинному православному верованию, за самоубийц можно молиться только раз в году — за пасхальной обедней.

На отшибе, за погостом,
Возле двух осин,
Он лежит уже лет со ста,
Без креста, один.

Выступает чуть заметно
Низкий бугорок,
Залетает неприветно
Пыльный ветерок.

Люди кромкою дорожной,
Не взглянув, идут . . .
За него молиться можно
Только раз в году.

✡

Что ни ночь — ко мне приходит,
У стола стоит,
Разговор со мной заводит
Про дела свои.

В каждом слове — боль обмана,
Боль глухой тоски.
У виска чернеет рана
От своей руки.

Чем тебя я успокою,
Боль твою уйму?
Как помочь земной рукою
Горю твоему?

Жребий твой — страстнóе бремя,
Темная стезя.
Ведь тебя в любое время
Помянуть нельзя.

За тебя нельзя до срока
И свечи зажечь,
Под осиной, под высокой,
Рядом в землю лечь.

Ты живешь во тьме острожной,
В ледяном аду.
За тебя молиться можно
Только раз в году.

*

Что ни ночь — длинней свиданья,
Тише разговор,
И глядят воспоминанья
На меня в упор.

Всё, что жизнь сожгла былая,
    В них возвращено.
Гость мой страшный, знаю, знаю:
    Мы с тобой — одно!

Это я из давней были
    Сам пришел к себе,
Чтоб за всех, кто мною были,
    Заплатить судьбе.

И в земной моей неволе
    Сам отныне тот,
За кого никто не молит
    И свечи не жжет.

Для кого в одном тревожном
    Всё слилось бреду,
За кого молиться можно
    Только раз в году.

✲

Дорогая, ты далёко!
    Слышишь ли меня?
Не проспи скупого срока,
    Жертвенного дня!

Ночью северной, хрустальной,
    В дальней стороне,
За обедней, за пасхальной,
    Вспомни обо мне!

Окропи меня слезою,
Осени крестом,
Похристосуйся со мною
Мне солгавшим ртом!

Вспомни, как меня любила,
Как клялась, пока
На прощанье подарила
Рану у виска!

Отыщи к далекой были
Заметённый след,
Вспомни, как мы жизнь разбили
В девятнадцать лет!

Вспомни холмик придорожный!
Не забудь — я жду!
За меня молиться можно
Только раз в году.

1954

ЧИСТОТА

Есть недоброе что-то в том,
Что к себе чистота нас манит.
Чистота . . . Кто ее тайком
Не растопчет и не обманет?

Упоительнее всех нег
С чистотой быть беспечно-грубым:
Резать лыжами свежий снег
И девичьи неволить губы.

Будь названье твое цветок,
Утро, девушка иль страница —
Чистота, твой недолог срок,
Он всего лишь мгновенье длится.

Почему везде и во всём
Чистота или вся в былом,
Иль вот-вот облететь готова
От дыхания, взгляда, слова . . .

Чистота, как тебя сберечь,
Братом рядом с тобою лечь?

1955

С тем, кто глаза закроет мне
В какой-нибудь большой больнице,
Я повстречаюсь как во сне
И не успею подружиться.

А может быть и в тот же день
И той же самою ладонью
Приблизит он к лицу сирень
И грудь девическую тронет.

И тем (да будет меж людьми
Его благословенно имя!)
В последний раз еще на миг
Соединит меня с живыми.

1954

В том, что вчера не причиняло боли,
Уже сегодня странный привкус есть.
Еще, конечно, можно выйти в поле,
И закурить, и Фета перечесть.
Но даже в Фете, в поле, в папиросе —
Уже горчинка уходящих дней,
Предчувствие разлуки . . . Хочешь, спросим,
У смерти спросим (ей-то ведь видней!),
Что остается от благоуханных
Земных страниц, волокон и копён?
Она ответит: пепел безымянный.
И вот во всем мне нынче виден он.

1954

С тех пор, как сердце заблудилось,
А тело предало меня —
Так хороша простая милость
Нетрудно прожитого дня.

Он начался кустом сирени
За приотворенным окном
И был без писем, без мигрени,
Без сожалений о былом.

Вот он уходит, потревожен . . .
Опять уже щемит виски . . .
Возьми меня с собою тоже
Туда, где все как ты легки.

1955

ПРОЩАНЬЕ С ТЕЛОМ

Пора! Я медлю у предела
И скоро перейду его,
И навсегда закончит тело
Свое земное торжество.

И станет чуждым несказанно,
И странно будет мне извне
Его увидеть безымянным
На обмелевшей простыне.

Вот ты каков, мой спутник тленный,
Со мной обвенчанный двойник,
К чьей близости я постепенно
Как будто к каторге привык!

И всё-таки перед разлукой
Тебя за всё благодарю!
Ведь было ты земной порукой
За душу звёздную мою.

Как бережно ты было с нею
И как всегда терпело ты
Ее смертельные затеи,
Ее безумства и бунты!

Ты с нею всё делило ровно,
Что было лишь тебе дано:
Своих прекраснейших любовниц,
Свое тончайшее вино.

Ты знало (и давно простило),
Что жребий у меня иной,
Что завтра у твоей могилы
Заплачут только надо мной.

И даже я, в скитаньях звёздных,
В моей заоблачной судьбе,
Невольно, рано или поздно,
Навек забуду о тебе.

1955

Когда душа поймет урок
И удивляться перестанет,
Тогда на некий светлый срок
Она провидицею станет.

И примет всё она тогда:
И нищету, и боль, и эту
Сквозь раскаленные года
Стремглав летящую планету.

И станет дивно внятен ей,
Пускай еще неизъяснимо,
Весь этот странный строй вещей,
Жестокий и необходимый.

1952

ВЕСНОЙ

Уже серебрятся ветки
У старых печальниц-ив,
Вздох ветра сквозь ельник редкий
Так нежно-красноречив.

Настойчивей стали реки,
Податливей — берега.
. . . Лишь повесть о человеке
Мучительна и долга.

А здесь всё быстрей и проще,
Всё радостнее стократ:
Легко зеленеют рощи,
Легко расцветает сад.

А сколько душе скитаний
Покамест она пройдет,
Как этот подснежник ранний,
Сквозь этот тяжелый лед!

1954

Если я лишь песчинка тленная
На пустом берегу земном —
Для чего же тогда вселенная,
Мой огромный, мой страшный дом?

Для чего тогда звезды прядают,
Солнца зреют и луны ждут,
За кладбищенскою оградою
Что ни лето цветы цветут?

От сияния до мерцания,
От звезды и до лепестка —
Всё немолчное обещание,
Вдаль протянутая рука.

Тольковвериться, только вслушаться —
И узнаешь ты и поймешь,
Как деревья и царства рушатся,
Колосится душа и рожь.

И в чудесном каком волнении,
Вырываясь из всех оков,
Всё спешит к своему свершению,
На какой-то далекий зов.

1952

Вспорхнув, крылом меня задела,
Неуловима и легка.
Не из иного ли предела
Ко мне простертая рука?

Толкнуть вперед хотела или
Остановить и уберечь?
Зачем гадать! Мы не учили
Грамматику нездешних встреч.

Мы просто ничего не знаем
И вот в невежестве своем
Прикосновенья забываем
И шорохов не узнаём.

А завтра, смотришь, лодка тонет,
Лжет поцелуй, густеет мгла . . .
О, если бы вчера я понял
Заботу твоего крыла!

Но ты простишь, само терпенье,
Лишь покачаешь головой,
Мой легкий ангел (весь — паренье!),
Неуловимый спутник мой!

1954

Вот она, моя любимая,
Ненаглядная моя,
Летним облачком хранимая
От ожога бытия.

Шла да шла своей дорогою,
А оно над ней плыло,
Легкой тенью мягко трогая
Запыленное чело.

Сохранило — и растаяло.
Вот и вечер на дворе . . .
И стоит она, усталая,
Но ясна, как на заре.

Всех, кого встречает, радуя
Тем, что день не иссушил:
Этой утренней прохладою
Необугленной души.

1953

Я видел только край щеки
Да локон у виска,
Но знал: всем безднам вопреки
Тебя я разыскал!

А наверху в косом луче
Струистый ладан гас
И жарко пчелами свечей
Гудел иконостас.

И я по улице пустой
В притихшем городке
Отнес любовь мою домой
Как просфору в платке.

И до сих пор она еще
Лежит, всё та же, в нем
И пахнет воском и лучом —
Вот тем далеким днем.

1955

Я вспоминать люблю об этом
Далеком и счастливом дне.

Он начался простым рассветом,
Зарозовевшим на сосне,
И разгорался понемногу
Всё радостней и горячей.
И вот, в туфлях на босу ногу
И с полотенцем на плече,
Сперва дорожкою по саду,
Затем тропинкой под уклон —
Туда, где пруд ночной прохладой
Еще блаженно напоён.
И вдруг (я ветки раздвигаю),
Вся в брызгах солнца и воды —
Ты, ослепительно нагая,
Виденье неги и беды.

С тех пор (прости мое признанье,
Ты будешь им удивлена),
С тех пор в моем воспоминаньи
Ты навсегда обнажена.
И пусть известно мне, что где-то,
Давно уже немолода,
Живешь ты, тщательно одета
И оскорбительно горда —
Ты вот такою сохранилась
Сквозь всё нагроможденье дней
В прозрачной памяти моей.
Благодарю за эту милость!

1955

Как поцелуй через платок,
Что хуже свёл с ума,
Как та приписка между строк,
В которой суть письма —

Так наша встреча началась
В те дни далеких лет:
Вся любопытство, а не страсть,
Вся прихоть, а не бред.

Но был губительным ожог
Тех ветреных утех,
Ты не смогла и я не смог
Разъять объятий тех.

И вот, как видишь, сбереглось
И будет жить века
То, что когда-то началось
Как будто с пустяка.

1953

СОНЕТ О МЕДЕ

Засахаренным солнечным лучом
Сияет мед на блюдечке стеклянном.
Посла́нец неба! Гость благоуханный!
Что хочешь ты поведать нам? О чем?

Увы, мы никогда их не прочтем,
Те знаки формулы твоей нежданной,
Что в золотом ларце, от Бога данном,
У ангелов хранится под ключом.

Мы будем, волшебства не замечая,
Тебе всего лишь радоваться, к чаю
Меж булочкой и маслом получив.

Ведь тайна тайн твоих неизреченна,
И может быть, от нас сокрытый, жив
На хрупком блюдце вздох самой вселенной.

1954

ЭПИТАФИЯ

НА СМЕЖНЫХ МОГИЛАХ

Были: он садовником глухим,
Я — поэтом, всем внимавшим зовам.
И трудились каждый над своим:
Он — над саженцем, а я — над словом.

Мы ушли. Но на какой-то срок
На земле неистребимо вешней
Сохранимся: я — десятком строк,
Он — посаженною им черешней.

1954

Мне не придется «там» писать стихов,
Но вряд ли ремесло свое забуду.
Мне верится, что даже и без слов
Опять, как здесь, служить я слову буду.

Не знаю чем. Как это разгадать,
Земного равновесья не наруша?
Быть может тем, что хочется назвать
Ямбическим прикосновеньем к душам?

Прикосновеньем стройным, как строка,
Которое в душе строку разбудит...
Ах нет, не знаю! Пусть со мной пока
Мечта об этом, затаясь, побудет.

1957

Ну да — и рожь! Та расцветает тоже,
Сама как будто тем удивлена,
И так на все цветенья непохоже,
Что ты не знаешь, что цветет она.

Едва заметным лиловатым дымом
Из края в край всё поле обовьет.
Она цветет, цветет почти незримо,
Почти тайком, но всё-таки цветет.

О, не стыдись! Поговорим о чуде,
О несказанном таинстве земли,
Где все мы, все — поля, деревья, люди —
Хотя бы раз, хоть тайно, но цвели.

1957

Какая-то радость (но кто же
Из смертных ее назовет?)
Нам всё-таки сердце тревожит
И жизнь разлюбить не дает.

Откуда она сохранилась,
Свой луч затаила во мгле,
Последняя чистая милость
На этой недоброй земле?

Созвездья ль в нее уронили
Свою потаенную пыль?
Пыльца ли в ней утренних лилий
С утраченной райской тропы?

И мы с безымянного детства
Своей неизбывной земли
Того золотого наследства
Истратить еще не смогли.

1958

Как много есть прекрасного на свете:
Крыло орла, девическая грудь,
Кленовый лист, Риальто на рассвете,
Раздолье Волги, ландыш, млечный путь...

И вот еще: прыжок бегущей лани,
Глаза ребенка, парус на волне...
Ты видишь сам: не сосчитать названий,
Не перечислить ни тебе, ни мне.

И всё-таки не легче ль жить на свете,
Когда ты знаешь, что везде кругом
Есть волны, клены, девушки и дети
И даже просто чей-то сад и дом?

Ты говоришь: всё это преходяще!
И ты неправ! Ведь будущей весной
Опять прыжок в зазеленевшей чаще,
Опять подснежник свежий под ногой!

Наш мир в бреду. Он шепчет заклинанья,
Он душит всё, чем жизнь еще права,
Но в мире нет разрушенного зданья,
В котором бы не проросла трава.

1958

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

С детских лет ты был всегда со мною:
В первой женской бережной руке,
В первой половице под ногою,
В первом солнце на моем виске.

А потом ты шел со мною рядом,
Баловал парижскою весной,
Римским утром, андалузским садом —
И по-русски говорил со мной.

Я тогда не знал тебя. Я думал:
Это я с собою говорю.
Слишком много радости и шума
Заглушало молодость мою.

Но теперь, когда так тихо стало
И вокруг меня и надо мной,
Разгадал я голос, что бывало
Принимал я второпях за свой.

И теперь я знаю: если всё же
Был хоть чем-то в жизни я хорош
И была на истину похожа
Иногда моя земная ложь;

Если женщин целовал не раня
И колосья трогал не губя —
Это только след твоих касаний,
Это всё — тобой и от тебя.

И всего мудрей, всегда и снова,
От рассвета до заката дня,
Было то, что ты меня, дурного,
Уберег от самого меня.

1957

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Есть зданья неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим.
                    Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.

Какой-то тесный и неловкий вход
Да лестница взбегающая круто
И коридоров скучный разворот —
Казенщина без всякого уюта.

Но если приотворишь двери в класс —
Ты юношу увидишь на уроке,
Что на полях Краевича, таясь,
О конквистадорах рифмует строки.

А если ты заглянешь в кабинет,
Где бродит смерть внимательным дозором —
Услышишь, как седеющий поэт
С античным разговаривает хором.

Обоих нет уже давно. Лежит
Один в гробу, другой, без гроба, — в яме,
И вместе с ними, смятые, в грязи,
Страницы с их казненными стихами.

А здание? Стоит еще оно,
Иль может быть уже с землей сравнялось?
Чтоб от всего, чем в юности, давно,
Так сердце было до краев полно,
И этой капли даже не осталось.

1957

Когда, протягивая руки,
Я вижу молодость мою —
Весь сокровенный смысл разлуки
Я просветленно познаю.

Пока она во мне, со мною
И распускалась и цвела,
Пока она совсем нагою
В моих объятиях была —

Ценил ли я ее усладу,
Ее полураскрытый рот?
Нет, нам расстаться было надо
И снова встретиться — и вот

Она встает передо мною
И приближается ко мне
Всё той же, но совсем иною,
Впервые понятой вполне.

Пускай и мрак вокруг струится
И тяжесть прячется в виске —
Я вижу даже тень ресницы
На розовеющей щеке.

И как я мог в далекой были,
Той ослепительной весной
Не разглядеть алмазных крыльев
Сиявших за ее спиной!

1958

О, славные содружества поэтов
Благословенной пушкинской поры!
Где ваши клятвы, пылкие приветы,
Беседы и невинные пиры?

Где ваши споры, где ночные бденья
На берегах торжественной реки,
Звенящие, как струны, посвященья,
Упоминанья, краше чем венки?

Всё отошло . . . Мы вам уже не пара!
Мы мелочны, завистливы, скучны,
И даже самым совершенным даром
Развлечены, но не потрясены.

На сердце нам, заветно и глубоко,
Высокой дружбы не легла печать.
Вот почему и радости высокой
В стихах у нас — увы! — не прозвучать.

1958

Не камешком в мозаиках Равенны,
Не багрецом на фресках Ватикана —
Была я лишь клочком веселой пены
На голубых просторах океана.

Но я навстречу парусу взлетела,
С прибрежным рифом, ускользая, билась,
Я смуглой девушки ласкала тело
И в золотой песок, устав, зарылась.

Мой быстрый путь ничем не обозначен,
Моя судьба случайна и мгновенна,
Но я была счастливей и богаче,
Чем все гробницы и дворцы вселенной.

1958

В талом небе такие мокрые,
Акварельные облака.
...Мог ли я сомневаться, мог ли я
Не поверить, что ты близка,

Если так хорошо и весело
Ты умела ко мне прильнуть,
Медный крестик с моей повесила
На свою золотую грудь?

...В мутном небе такие влажные,
Акварельные облака.
...Важно ли, что была ты, важно ли,
Что слабела в моих руках,

Если вот вспоминаю редко я
И так нехотя о тебе,
Если ты раскаленной меткою
Не осталась в моей судьбе?

...В бледном небе совсем туманные,
Акварельные облака.
Почему меж других — не странно ли? —
Эта путается строка?

Или ею напоминается,
Что всё лучшее навсегда
Разлетается, расплывается,
Растворяется без следа.

1958

Чем дольше я живу, тем ненасытней я,
Тем с большей жадностью тянусь к усладе здешней.
Пусть ждет меня нектáр иного бытия —
    Я от разлуки с ней всё безутешней.

И радость мне моя последняя горька...
Так в блекнущем саду, где астры холодеют,
Озябшая пчела с последнего цветка
    Пьет скудный мед, сама уже скудея.

К остывшим венчикам она ревнивей льнет,
Неяркий солнца луч ее уже не тешит,
А то, что в улье ждет богатство полных сот —
    Стяжательницы милой не утешит.

1957

Прощаться всего трудней, потому
Лучше всего умереть одному.
Чтоб были только стул да кровать,
Чтоб некого было к себе позвать,
Ничьих не увидеть последних слез,
Чтоб никакой подкроватный пес
В руку, что свесилась, не лизнул,
Солнечный луч в дверь не скользнул,
Бабочка не залетела в окно . . .
О, только бы, только бы не весной!
О, если бы ночью! И чтоб звезда
Упала. Другая . . . Еще . . .
Тогда
Может быть легче будет уйти
По такому —
совсем пустому —
пути.

1957

Моя душа! Чужою тенью
Ты посетила край земной
И верно только на мгновенья
Бывала счастлива со мной.

В часы отчаянья и скуки
Не ты ли — и всегда права! —
Мои удерживала руки
И стерегла мои слова?

И лишь когда стихи как море
Захлестывали сердце мне,
Ты тоже, радуясь и вторя,
Бывала счастлива вполне.

Что принесет нам наша встреча
В пустынях скудости земной?
Тебя ль мой жребий изувечит?
Меня ль очистит подвиг твой?

Иль встретимся с тобою снова
В далекой мгле грядущих дней,
Зачем-то повторить готовы
Мученья близости своей.

1958

Приземист лес, и берега пологи,
И море глухо плещет о песок...
Как этот край, и скучный и убогий,
Мне на сердце тяжелой ношей лег!

Как будто где-то в позабытой были,
Меня теперь догнавшей сквозь века,
Уже давно обещаны мне были
И этот плеск и этот хруст песка.

И здесь, сейчас, в глухом уединеньи,
Назначенном зачем-то наперед,
Какое-то земное преступленье
Не торопясь мой путь пересечет.

Но всё мертво, всё пусто, всё безмолвно,
Лишь плеск воды да ветра слабый стон,
И тайный страх уже спадает, словно
Измучивший и отлетевший сон.

Но навсегда запомнится мне этот
Пологий берег, волны и песок
И то, что там осталось без ответа:
Смутивший знак, ненаступивший срок.

1957

Жизнь незаметно, с каждым днем,
Мне всё становится нужнее.
Мы так давно уже вдвоем,
А вот впервой сроднился с нею.

Так в детстве смотришь, не дивясь,
На статуэтку на камине,
И сердца не волнует вязь
Ее давно знакомых линий.

А после как-нибудь возьмешь
И разглядишь ее прилежней
И подпись Мастера найдешь,
Которой не заметил прежде.

И вот особое с тех пор
Ты видишь в ней очарованье,
И для тебя ее фарфор —
Сладчайшей плоти трепетанье.

С тревогой размеряешь срок,
Что ей отпущен быть твоею,
И мыслишь: как я только мог
Всегда не любоваться ею!

1956

Как бушевали соловьи
Над нашей гоголевской хатой
Луною выбеленной и
Подсолнухами полосатой!

Их было не перекричать!
Но, неуверенно вначале,
Еще пугаясь всё сказать,
Мы их с тобой . . . перешептали.

Как было хорошо прильнуть
Губами к маленькому уху!
С собой мы взяли в дальний путь
Ту немудреную науку.

И с той поры она для нас
Защитой стала неизменной:
Таким же шепотом сейчас
Мы заглушаем шум вселенной.

1958

В одну из тех ночей, когда
Откинувшись, как для глотка,
Ты жаждешь неба, а звезда
Так безнадежно далека —

Не радостно ли ощутить
Плечо любимой у плеча,
Ту близость, без которой жить
Не стоит, скажешь сгоряча.

А между тем никто нигде
Тех двух пространств не превозмог
И путь к любимой и к звезде
Так одинаково далек!

1958

Подснежник узкой льдинкою в горсти,
Как та, через которую прошел он.
Еще он весь морозной тайны полон,
Морозной тайны своего пути.

И пальцы холодя прикосновеньем
Мне греет сердце медленный цветок,
Который лишь терпеньем превозмог
Всю невозможность своего рожденья.

1956

Ты была в моей судьбе
Самою хорошею
И любовь моя к тебе
Стала легкой ношею.

Сколько тропок и дорог
Нами здесь исхожено!
Только скука в узелок
Не была положена.

И на пнях среди зимы
Было много сижено,
Без того, чтоб были мы
Стужею обижены.

Сапожкú совместных дней
Нами не изношены.
Ты была в судьбе моей
Самою хорошею!

1958

Встретились, как с многими встречались —
В тусклый день и равнодушный час,
И сперва еще не разобрались:
Началась любовь, не началась?

Но уже, как если бы в поруку,
Ты тогда мне руку отдала,
Милую, встревоженную руку,
Ту, что никогда не солгала.

Задержалась только на мгновенье,
На почти неуловимый срок,
Так что смысл того прикосновенья
Разгадать я лишь сегодня смог.

. . . Надо в мыслях чаще возвращаться
К отгоревшим, отшумевшим дням,
И в золе их мы найдем богатства,
Что в огне не просияли нам.

1958

Я думал до сих пор, что наша
Давно развязанная связь
Хотя была других не краше,
Но всё же в сердце сбереглась.

И вот недавно, в день погожий
Бродя по улице пустой,
Как заблудившийся прохожий
Я вышел к истине простой:

Что всё давным-давно забыто
И окончательно мертво,
Что сердце на могильных плитах
Не написало ничего.

Нет, не подумай, я не плачу,
Я просто на ущербе дней
Одною истиной богаче,
Одною радостью бедней.

1958

Возможно, если бы украдкой
Я снова побывал в былом,
Я разглядел бы недостатки
В далеком облике твоем:

В разрезе глаз, и в цвете кожи,
И в очертаниях груди —
Во всем, на что, когда моложе,
Мы, собственно, и не глядим,

В своем великом нетерпеньи
Влюбляясь, нужно или нет,
Уже в одно прикосновенье
Семнадцати девичьих лет,

Когда неловкая Диана,
Ступив на вешнюю траву,
Для первой, неумелой раны
Стрелу вправляет в тетиву.

1958

Нас было двое. Женщина была
Веселой, молодой и рыжеватой,
Умела лгать и изменять могла,
Не быв притом ни разу виноватой.
Теперь она... — но нет, мне легче с ней
На «ты»! — теперь ты всё уже забыла:
Как целовала с каждым днем скучней,
Как мучила меня и как убила.
Нет, не сама, конечно! Кто теперь
Сам убивает? Я отлично помню,
Как ты на выстрел распахнула дверь
И кинулась ко мне, и как легко мне
Внезапно стало: я в твоих глазах
Прочел всё то, во что уже не верил —
Недоумение, и боль, и страх,
И чувство горькой все-таки потери.
...О, если бы из тишины моей,
Из моего прекрасного свершенья
Вернуться снова в ужас этих дней,
Изведать снова всё твое презренье,
Всю ложь прикосновенья твоего
И как последнюю земную милость
Спустить курок — всё только для того,
Чтоб ты опять вот так ко мне склонилась.

1956

Мы все уходим парусами
В одну далекую страну.
Ветра враждуют с облаками,
Волна клевещет на волну.

Где наша пристань? Где-то! Где-то!
Нам рано говорить о ней.
Мы знаем лишь ее приметы,
Но с каждым днем они бледней.

И лишь когда мы всё осилим
И всякий одолеем срок —
Освобождающе под килем
Прибрежный зашуршит песок.

И берег назовется ясным
И чистым именем своим.
Сейчас гадать о нем напрасно
И се́рдца не утешить им.

Сейчас кругом чужие земли,
Буруны, вихри, облака,
Да на руле, когда мы дремлем,
Немого ангела рука.

1961

Не потому, что мне когда-то
О нем рассказывала мать,
Не потому, что Фра Беато
Меня учил ему внимать,

Не потому! — а просто где-то,
В той изначальной тишине,
На грани вспыхнувшего света
Он сам приблизился ко мне.

С тех пор прошли земные сроки,
Которых не произнести.
Я иссушил свои истоки
И расточил свои пути.

И только ты, воспоминанье
О той дожизненной стране,
Вернее веры, ярче знанья
Меня ведешь и светишь мне!

Я помню, помню! Этим словом
Всё решено в моей судьбе!
Мой ангел, спутник мой суровый,
На всех путях, под всяким кровом
Я буду помнить о тебе!

1960

Нет, и всматриваться не сто́ит!
Ведь с собою не унести
Эти звезды, луга, прибои —
Всё и сложное и простое,
С чем мне больше не по пути!

Знаю, знаю: пора пришла мне
Подружиться с коротким днем,
Мелкой речкой, замшелым камнем,
Выкорчеванным скользким пнем;

С равнодушной подругой-палкой,
С шумом медленного дождя —
Всеми теми, кого не жалко
Будет мне потерять, уйдя.

Ну а если и к ним я тоже
Так привыкну, что станут мне
И они всех небес дороже —
Кто мне землю забыть поможет
В беспощадной Твоей стране?

1959

Когда я перед зеркалом стою,
Меня томит щемящее желанье
В него войти, проверить жизнь мою
Какой-то новой мерой расстоянья.

Наверно, если в зеркало войти,
Очутишься в пространствах небывалых,
Где всё не так, как на земном пути,
И где быть может легче для усталых.

Там тишина конечно и покой,
А если где и сбереглись рояли —
То можно, не коснувшись их рукой,
Любое вспомнить, что на них сыграли.

Мне кажется, что там всегда светло.
Все зеркала — хранилища сияний.
О, сколько в их глубинах расцвело
Земных огней и солнечных касаний!

Ты не найдешь там горестных могил
(Ведь зеркалам нет до трагедий дела!),
Но непременно ту, что ты любил —
Она так часто в них тогда гляделась!

Но как туда войти? Как отыскать
Запретный путь в такое новоселье?
Какое слово надо прошептать?
Поклясться чем? Хлебнуть какого зелья?

Вот так и смерть встает передо мной
На зеркало огромное похожей,
Такой же неподвижной и немой —
И кто мне, кто в нее войти поможет?

Что если, дерзновеньем окрылен,
Я кинусь к ней и вдруг в последней муке
Лишь битого стекла услышу звон,
Увижу в кровь изрезанные руки?

А может быть простое слово есть?
Чуть слышное . . . И надо лишь неспешно
Приблизиться и слово произнесть . . .
И вот вошел я и уже не здесь,
А там, в краю зеркальности утешной!

1961

Заложница несбыточной мечты!
Моя душа! Всё променяла ты
На право быть невольницею этой!
Ну что же! — каменные плиты мерь,
Оглядывайся на глухую дверь,
Тянись к окну под потолком и сетуй!

И вот за это всё тебе дана
Никем не тронутая тишина,
Никем не смятый луч через решетку,
Ни с кем не разделенная звезда,
А в каждодневном хлебе иногда
Нездешней преломленности находка.

1959

Пока мой ангел на плечо
Кладет мне руку бережно,
Я знаю, что не всё еще
И не совсем потеряно.

Но невозможно распознать
Его прикосновенье,
Не отличить, не угадать
Чудесного мгновенья.

Оно не радость, не испуг,
Не видится, не слышится,
Оно лишь в том, что сердцу вдруг
Чего-то легче дышится.

1960

Как в море камешек простой
И свеж, и чист, и ярок!
Но ты несешь его домой —
И блекнет твой подарок.

И ты ему уже не рад
И отшвырнул . . . — Послушай:
Ну он-то разве виноват,
Что ты живешь на суше!

1960

Предутренняя болтовня дроздов
Вновь для меня была как избавленье.
Он заглушен, ночной томящий зов
Сомненья, горечи, недоуменья.

И в створки окон брошен мне опять
Клочок зари на возвращенном небе.
Как мало нужно нам, чтоб устоять,
Чтоб дальше жить! Всего лишь птичий щебет!

1959

Мы потому смотреть на небо любим,
Что поиски пространства — наш удел,
И навсегда дано в дорогу людям
Томленье душ и нетерпенье тел.

Так прежде мы на океан смотрели,
Материки предчувствуя вдали,
И бредили открытьями америк,
И в бездну вод кидали корабли.

Теперь опять томит нас жажда далей,
Их древний зов в крови еще не стих!
И чтоб они нам звезды разыскали —
Кидаем в небо посланцев своих.

И только на какой-нибудь планете,
Где светят три смарагдовых луны,
Иль по дороге к альфе или бете
Какой-то звездной золотой страны —

Поймем мы наконец, что подвиг странствий
Загадок всех еще не разрешил,
Что мы забыли об одном пространстве —
Пространстве нашей собственной души;

Что миллиарды лет скитаясь с нею,
Мы к ней самой свой потеряли след,
И до нее нам дальше и труднее,
Чем до америк и до андромед!

1960

Перерастем ли мы когда-нибудь
Свои тела? Сумеем ли без тела
Поцеловать, заплакать, протянуть
Друг другу руки, шаг навстречу сделать?

Конечно, это всё придти должно.
Но сколько ждать? Но сколько возвращаться
На землю, чтоб узнать всегда одно:
Что и на этот раз с ней не расстаться.

О, долгое цветенье бытия,
Его ненаступающая осень!
Тысячелетья мне нужны, чтоб я
Свой лишний лист и опознал и сбросил.

И миллионы лет, чтоб отмерла
Моих ветвей — моих касаний — жесткость
И чтобы плоти — моего ствола —
Истлела неуклюжая громоздкость.

Скорей бы от меня остался мне
Лишь смутный абрис, контур, что бледнеет...
Взгляни на тень платана на стене!
В ней всё легко! Как хорошо быть ею!

1960

На италийском мраморе плиты —
Простое имя и скупая дата.
Но почему остановилась ты
И вздрогнул я, смущением объятый?

Не потому ль, что вновь коснулся нас
В своем захолодевшем начертаньи
На плитах всех повторенный рассказ
О жалком человеческом незнаньи.

Смотри: сквозь надпись проступает ложь!
Лгут имена! Нас всех зовут иначе!
Нам роздали их просто как пришлось!
Где то, каким в веках я обозначен?

И даты лгут! Нам миллиарды лет!
Не эти шестьдесят, не эти тридцать!
Обратно нам уже дороги нет,
Но впереди нам не остановиться.

Уйдем отсюда! Что нам говорят
Случайно здесь разбросанные плиты?
Пройдут века — и мы придем назад.
Еще мгновенье — и они разбиты.

1960

Я умер. И часы мои
С руки похолодевшей сняли.
Они еще идут. Они
Еще дышать не перестали.

Они заканчивают бег
Так четко связанный со мною.
А завтра кто-то их себе
Возьмет, связав с судьбой иною.

И вот, не знаю почему,
Но померещилось мне, будто
Они не захотят ему,
Как мне, одалживать минуты.

Они соскучатся по мне,
По вены близкому биенью,
Что, строчкою окаменев,
Становится стихотвореньем.

По тесной дружбе тех ночей,
Когда они со мной не спали,
С цезурой спорили моей
И мой анапест обгоняли.

И вот, чтоб как-то избежать
Непрошенного новоселья,
Они начнут спешить, бежать,
На день опережать неделю;

Соскальзывать с чужой руки,
В обивке прятаться диванной,
С собою наконец с тоски
Покончат, захлебнувшись в ванной.

И будет их в руках вертеть
С досадой часовщик сердитый...
Но никому не разглядеть,
Какая тайна в них сокрыта!

1960

Время! Спутник мой таинственный
На моих земных путях!
Враг смертельный! Друг единственный!
Наслаждение и страх!

Кто-то умный (не оспаривай!),
Но конечно не поэт,
Объяснил, что ты лишь марево,
Что тебя и вовсе нет.

Пусть! Но раз еще мы связаны
С нашей медленной землей —
Мы с тобой дружить обязаны
И дрожать перед тобой.

Я тебя в беспечной младости
Не берег и не ценил,
Лишь сейчас, и то без радости,
Огорченно полюбил.

И слежу вперед известное:
Как, не глядя мне в лицо,
Всходишь ты чужой невестою
На соседнее крыльцо.

1961

Стала жизнь что сон перед рассветом,
Этот чуткий, этот хрупкий сон.
Спишь еще, но знаешь: мягким светом
Занялся далекий небосклон.

И тяжелых век не подымая
Чувствуешь: он в комнату вошел,
По предметам, их не задевая,
Расстелил свой сероватый шелк.

Подождать — и неизбывным светом
Озарится узкая кровать,
И досадно только, что об этом
Не успею никому сказать.

Вот за дверью кто-то шевельнулся . . .
Постучат, откроют и войдут . . .
Но того, что я уже проснулся,
По глазам закрытым не поймут.

1960

Я вспомнил — и в то мгновение
Я сам был тому не рад —
Что это стихотворение
Я начал лет сто назад.

В парижском кафе, за столиком,
Меж рюмок, локтей и ног,
Писал я и думал: стоит ли?
И всё дописать не мог.

О чём оно было, жалкое,
Запачканное вином?
Конечно всё только жалобы
И все они об одном.

О том, что мне смерть обещана,
Что в мире нехорошо,
Что вот изменила женщина
С накрашенною душой.

На те же стихи с досадою
Сегодня смотрю опять.
Сумею ли я и надо ли
Их всё-таки дописать?

Но если я даже сызнова
От них сгоряча уйду —
Листок мой, вином забрызганный,
Когда-нибудь вновь найду.

И снова, через столетия,
За тот же возьмусь рассказ . . .
О, горькие междометия —
Когда я срифмую вас?

1961

Как будто нечего терять,
А всё-таки не хочется!
Накинь еще годочков пять,
Крылатая пророчица!

С тобой не раз я говорил,
Вымаливал, выклянчивал,
И обещания твои
Звучали так заманчиво.

Вот я пришел к тебе опять
И торг веду сомнительный.
Ну что ты можешь обещать,
Хотя бы приблизительно?

Еще один концертный зал,
Картину, книгу, статую,
И то, что я не досказал,
Всё тем же ямбом сжатое?

Еще один глоток вина,
Еще одну Италию,
Еще одну звезду со дна
Вселенной и так далее?

Все эти «снова» и «опять»,
Коль страшный миг отсрочится...

Как будто нечего терять...
А всё-таки — не хочется!

1961

Я всё тебя искал. Я долго шел
По всем тропинкам, будто бы без дела,
И вот тебя я так и не нашел —
Лишь ту скамью, где ты тогда сидела.
И я увидел то же, что и ты:
Пологий холм, траву сухого цвета,
Простые, бледноватые кусты —
Обычный почерк северного лета.
Но тут я вдруг твои глаза обрел,
И я увидел ими мир окрестный —
И странно: он передо мной расцвел
Как свадебный алтарь перед невестой.
Багряным цветом вспыхнули кусты,
Трава взметнулась хризолитом пенным...
Кого ждала, о чем мечтала ты,
Что стало здесь всё так благословенно!

1961

Есть русское слово «родная»,
Которого нету нежней.
Где этого слова не знают —
На целую радость бедней.

В душе оно свято хранимо,
На людях его не слыхать,
И даже не всякой любимой
Его ты захочешь сказать.

Когда до последнего края,
Родная, с тобою дойду,
Когда на прощанье, родная,
Последнее слово найду —

То будет им снова и снова,
На всё мое счастье в ответ,
Вот это заветное слово,
Нежнее которого нет.

1960

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

На Каменноостровском — тишина
И бледность белой петербургской ночи.
Уже как будто в воздухе весна,
Но щедрой стать она еще не хочет.

Лишь изредка, чем ближе тем звончей,
Сухих торцов проснется говор ломкий,
Когда на франтоватом лихаче
Промчится Блок с влюбленной незнакомкой.

Да тротуар уснувший оживет
Под торопливым шагом пешехода.
И снова — тишина. И снова — год
Из тех, что до семнадцатого года.

Зачем я вот не этот пешеход,
Не кучер, что везет на Стрелку Блока,
Не дворник, задремавший у ворот,
Не проститутка, что домой бредет —
Вернулось бы лишь то, что так далёко!

Тот Петербург, куда возврата нет,
Где в мае ночь бледнее, чем Татьяна,
Где Гумилева затерялся след,
Где пушкинский упавший пистолет
Еще не поднят для ответной раны.

1960

2

Не петербургским сизокрылым днем
С тобой сегодня мы идем вдвоем.
Не тот простор и тишина не та,
Не те коня четыре у моста,
Не та ограда и не тот гранит,
И даже снег совсем не так лежит.
Так почему же вот сейчас, вдвоем,
Нам показалось, что мы снова в нем,
В том городе, где больше нам не быть,
Что больно вспомнить и нельзя забыть . . .
Не потому ль, что мы в себе таим
То, что навеки нас связало с ним:
И петербургский сердца холодок
    (его гранит, что серебром намок)
И петербургской речи лад скупой
    (его оград неторопливый строй)
И гордость, что всегда порвет узду
    (его коня четыре на мосту) —
Всё то, чем длится в наших двух сердцах
Наш Петербург, рассыпавшийся впрах.

1957

И всё-таки ответа нет,
Неоспоримого, такого,
Что навсегда оставит след
В душе открытой для иного.

Есть только знаки, имена,
Предположенья и догадки —
Попытки сердца и ума,
Игра в мучительные прятки.

Когда ж я наконец дойду,
Но по тропинкам, не по схемам?
О, что я дал бы за звезду
Над задремавшим Вифлеемом!

За воду, что вином цвела,
За след гвоздя в Его ладони,
За ту пушинку из крыла,
Что ангел, пролетев, обронит!

Ведь я всего лишь человек,
Привыкший видеть, слушать, трогать!
Как уместить в мой жалкий век
Мою далекую дорогу!

А если ею не дойти
И все давно иссякли сроки —
Зачем же Ты меня — прости! —
Благословил на путь высокий?

Меня, прохожего, на путь,
Которого страшнее нету!
...Пора упасть... Пора заснуть...
Спасибо, что, велев мне: будь! —
Оставил право хоть на это!

1961

Мы с детства са́мого в плену
Всечеловеческой неволи,
За чью-то древнюю вину
Несем ярмо жестокой боли.

Вину людей? Вину богов?
Кто объяснит нам эту тайну?
От тех далеких берегов
Был пройден путь необычайный.

И всё смешалось, поросло
Тяжелой ржавчиной забвенья,
Переплелись добро и зло,
Созданье и уничтоженье.

Поверим, будто мы одни
Всему виною. Ведь иначе
Невыносимы станут дни
В краю небесной неудачи!

1960

Простых путей не знаю я
К неутомительному раю,
На перекрестках бытия
Я сторонюсь и озираюсь.

Зовут широкие пути,
Но в сердце смутное решенье,
Что если и смогу дойти
То лишь тропинкою сомненья.

Она теряется в песках,
Но и высоты одолеет,
И я бы их не отыскал,
Когда б измучен не был ею.

Сомненье! Твой суровый срок,
Твой страшный путь, твой след
кровавый —
Не человеческий порок,
А человеческое право.

Есть вещий смысл в такой борьбе
За приближенье, обретенье,
И каждое мое сомненье
Не новый ли порыв к Тебе?

1961

ПРИШЕЛИЦЕ

Я на ночь не закрыл окна,
А к утру, словно виновато,
На подоконник гроздь легла
Глицинии голубоватой,
И усиком за шпингалет
Так крепко-крепко зацепилась.
Как оттолкнуть мне твой привет,
Твою настойчивую милость!
Пусть будет ветер — всё равно,
Пусть беспорядок натворит он —
Раз ты пришла ко мне, окно
Оставлю для тебя открытым!

1959

Сквозь пестроту воспоминанья
И тесноту ушедших дней
Я сохранил очарованье
Далекой юности твоей.

Мне одному она открылась
Неповторимо и сполна.
Ведь никому такая милость
Тобою не была дана!

И от тебя самой сокрыты
Твои далекие черты,
И зеркала давно разбиты,
В которые гляделась ты.

И только я — в душе и плоти —
Храню всё строже, всё нежней
Единственный и верный оттиск
Угасшей прелести твоей.

1959

Я не улавливаю знаков
Иных, неведомых миров,
Мой путь с другими одинаков,
Я тоже им идти готов.

Но принимая непреложность
Назначенного мне пути
Я верю всё-таки в возможность
До невозможного дойти.

Пусть ранит этот путь камнями,
Но я зато богат порой
Таинственными черепками
В пыли подобранными мной.

Какой чудеснейшей амфоре
Из неизведанной страны,
Сплетаясь в редкостном узоре,
Принадлежать могли они?

Перебирая их несмело,
Твержу я в помыслах моих:
Как хороша должна быть в целом
Разрозненная тайна их!

1964

Как пароход подходит к пристани
Неспешно замедляя ход
И всматриваешься всё пристальней
В тот край, что пред тобой встает —

Так я гляжу в недоумении
На берег странный и чужой,
Что в неизбежном приближении
Сейчас встает передо мной.

Какие-то струятся тени там,
Какие-то скользят лучи,
Но в смутном их нагромождении
Мне ничего не различить.

И лишь одна (прозреньем, бредом ли?)
Надежда промелькнет подчас,
Что кто-то, мне пока неведомый,
На сходнях руку мне подаст.

1964

Это лучшее, что мне дано:
Благодатное мое незнанье!
С ним я, даже падая на дно,
Страшного не вижу расстоянья.

Думаю: а может быть меня
Мурава внизу спокойно примет
Иль парить я буду, чуть звеня,
Сохранив свое земное имя.

Ну а если даже разобьюсь —
Может это тоже не смертельно?
Может легким облаком взовьюсь
В синеву отчизны запредельной?

О, как это хорошо: не знать!
Мир надежд тогда неиссякаем!
Значит есть и будет что понять,
Если мы сейчас не понимаем!

1964

Мы ангелам не молимся совсем,
Мы, с детством распростясь, о них забыли,
Мы лишь тогда дружили с ними все,
Так радостно, так хорошо дружили.

А между тем он так недалеко,
Наш позабытый ангел! Он порою
И просто и легко (почти рукой!)
Коснется нас и нашу жизнь устроит.

Но мы не замечаем и пойми:
Ему наверно всё-таки обидно,
Что вот он здесь, проходит меж людьми,
А им его не слышно и не видно.

Поговорим же с ним хоть иногда,
Его почуя верное соседство,
Без громких слов, без тайного стыда —
На языке утраченного детства.

1962

Сижу в кафе весною,
Сижу ничуть не пьян,
Стоит передо мною
На блюдечке стакан.

Стакан простого чая
И, для других незрим,
В нем ложечкой мешает
Залётный херувим.

И чай мой всё крепчает,
Меняет цвет и вкус
И вот уже не чай он —
Нектáр для жадных уст.

Я пью его пьянея
И я пою, пою
И с песнею моею
В совсем ином краю.

Но спáла наважденья
Взметнувшая струя,
В немом недоуменьи
Сижу, очнувшись, я.

И чай в моем стакане,
Как ложкой ни мешай,
Не жгучий и не пряный —
Обыкновенный чай.

Когда ты мне солгало,
Проклятое стекло?
Когда ты просияло
И песней обожгло?

Иль в этот вот бесстрастный
И равнодушный миг,
Когда я так напрасно
К твоим краям приник?

Ах, я судить не смею
(Сужу — так на авось),
Ведь в маленьком кафе я
Всего лишь мелкий гость.

Уйду и перестану
(Так проще может быть!)
Из страшного стакана
В недоуменьи пить.

1962

Спасенье наше в беспредельности,
В безкрайности грядущих дней
И в том залог великой цельности
Людских и божеских затей.

Когда б отпущен был всего лишь нам
Какой-то предрешенный срок —
Мы б захлебнулись днем сегодняшним,
Нас выбросило б на песок.

А так мы движемся и пенится
За нами встречная волна.
О, путь еще не раз изменится!
За далью снова даль видна!

1964

В дурную ночь, в часы размолвки с Богом
(Как и́наче назвать беседу ту!)
Мне кажется всегда: еще немного —
И перейду последнюю черту.

Но каждый раз удерживает что-то
И на заре опять душа чиста
И в ней — о да! — тревога и забота,
Сомненье, горечь, но не пустота.

Не пустота! Не пропасть! Та, в которой
Разбился б я до наступленья дня.
И тех же тайн неуловимый шорох
Прислушаться опять зовет меня.

1965

Когда-нибудь (быть может скоро)
На том, нездешнем, берегу,
На том единственном, который
Себе в наследство берегу —

Я обернусь и вдруг замечу,
Что, труден и неумолим,
Но этот путь мой человечий
Был всё-таки необходим.

Что в тесноте земных свершений,
В борьбе мужей, в объятьях жен,
В огне молитв, в бреду сомнений
Я слеплен был и обожжен.

И уходя теперь отсюда
Я вижу: мы бы не смогли
Небесного коснуться чуда
Без страшной помощи земли.

1964

Ужель я землю посетил,
Чтоб, уходя, сказать «не знаю!»
И стать одной из тех могил,
Что здесь от края и до края?

Иль может быть, как та пчела,
Что потрудилась над цветами
И каплю меда унесла
В далекий улей за холмами —

Так и душа моя возьмет
С собой в далекую дорогу
Тот всё-таки душистый мед,
Что здесь собрал я понемногу.

О нет, не знанье! Лишь намек,
Предчувствие, догадки . . . Что-то,
Чем я разбогатеть не мог . . .
Но, может, хватит для полета?

1964

Всего бы проще было жить
Не шаря по больным вопросам,
О непонятном не тужить,
Клевать и разумом и носом.

Но не напрасно райский плод
Нас напоил запретным соком —
В нас навсегда мечта живет
О невозможном и далеком.

Нас слово тающее «там»
Томит как дуновенье рая,
Мы к ускользнувшим берегам
Так жадно руки простираем.

И мы зовем — в который раз!
Нам нýжды нет, что небо немо!
О, как он крепко бродит в нас,
Квасок антоновки Эдема!

1962

Я много молчал и ждал,
То верил, а то не верил.
Я словно всю жизнь стоял
У плотно закрытой двери.

Я знал, что за ней ответ
На всё, что во мне боролось.
Сквозь щель пробивался свет
И слышался чей-то голос.

Но я уловить не мог,
Как я ни хотел, ни слова.
Таким и в могилу лег:
К нездешнему неготовым.

Так дети порой молчат,
Прислушиваясь напрасно,
Как взрослые говорят
О чём-то для них неясном.

Но вот обернулись к ним
И что-то должно случиться —
А кончится всё одним:
Что спать им велят ложиться.

1962

ПОЭЗИЯ

Когда в ребяческие годы
Я к ней тянулся в полусне,
Она звездою с небосвода
Слетала в комнату ко мне.

И превращалась в легкий шелест,
В сиянье обнаженных рук
И первой женщиной гляделась
В мой зачарованный испуг.

Теперь конечно всё иное:
И мне уже не внове ты
И я давно уже не стою
Твоей нездешней наготы.

Но то, что было, то, что было,
Что звездной тайной обожгло,
Что навсегда душе открыло
Ее второе естество —

Оно запало так глубоко,
Так слито целостно со мной,
Что нету ни конца, ни срока
Для нашей близости земной.

Земной ли только? Знаю, тленье
Стирает сроки и черты,
Но нет тому исчезновенья,
На чьем плече уснула ты!

Я унесу во все скитанья,
В иную жизнь в ином краю
Твое тепло, твое дыханье,
Твое томящее касанье
И тяжесть легкую твою!

1962

Чем глубже ночь — тем утро ближе,
Нам это сказано давно.
Но если утра не увижу,
А ночь врывается в окно?

Но если на последней грани
Меж сном и явью естества
Мне не прочесть еще в тумане
Неразличимые слова?

Что мне тогда обетованье,
Прекрасный, но напрасный зов,
Неуловимое сиянье
Недостижимых берегов!

Но почему порой оттуда,
Где просиять потом должно,
До нас доходит, вестник чуда,
Уже какое-то тепло?

И как задолго до рассвета
Перекликаются дрозды,
Как, до зари проснувшись, летом
Зашелестят уже сады,

Как послушник к обедне ранней
Встает, едва забрезжит свет —
Так и меня тот проблеск ранит,
Которого еще здесь нет.

1964

НАШ МИР

Нет, он хорош! Не той задачей,
Что не способен он решить,
Не тем, над чем он сам же плачет
И чем он не умеет быть —

А набегающею сменой
Внезапно просиявших дней,
Подарком радости мгновенной,
Короткой милостью своей.

И так всегда и всюду будет
И под нацеленным ножом
И целоваться будут люди
И рвать цветы и строить дом.

И несмотря на все разлуки,
На всю заведомую ложь,
На все заломленные руки —
Он будет всё-таки хорош!

1965

Попеременно выли, грохотали,
Сходились, разбегались поезда,
Но не было окна на том вокзале,
Где не свила бы ласточка гнезда.

И я поверил в смутное преданье,
Гласящее издревле, что, одна
Из всех созданий рая, в час изгнанья
Лишь ласточка осталась нам верна.

Стоял архангел, грозный и разящий,
Но ей была преграда нипочем:
Она метнулась из соседней чащи
И проскользнула под его мечом.

Мы ничего ей дать взамен не можем,
Вот разве этот угол за окном,
Но никогда ее не потревожим
И с каждым маем из Египта ждем.

Крылатый друг! Напоминанье рая!
Лети, скользи, черти своим крылом
Тот ломкий путь от края и до края,
Которым мы, блуждая и плутая,
К какой-то трудной истине идем!

1962

Я чувствую всё резче раздвоенье
Моей души и тела моего,
Как будто в ней растет освобожденье,
А в теле, в нем, усталость от всего.

А между тем вы так неразделимы
И оба вы так целостно «моё»,
Что непонятно, невообразимо
Одной души иное бытиё.

Что делать ей без друга, что когда-то
Ее позвал и обвенчал с землей,
Что дал ей рощи, рифмы и закаты,
Прикосновенья, шелест и прибой?

И может быть ей «там» так пусто будет
(Ни глаз поднять, ни слова произнесть),
Что станет вновь молиться, как о чуде,
О возвращеньи в горестное «здесь».

1964

Мой зябкий друг, мое зёмное тело,
Зачем ко мне прижалось ты опять?
Учись в тебе отпущенных пределах
Поменьше плакать и надоедать!

Ну да, с тобой я давней дружбой связан,
Но всё же эта дружба такова,
Что миг один — и наш союз развязан,
Как на речном причале бичева.

И лодка уплывет (но не затонет!),
А берег — он останется, и нет
Уже ни возвращенья, ни погони,
Лишь на воде теряющийся след.

И надо мне с тобою быть суровым,
Чтоб то, что остается, не могло
Мне стать нужней моих скитаний новых,
Нужней, чем даль, просторы и весло.

Ты только берег скудости и скуки,
А я — я путник на его траве.
Давай же оба привыкать к разлуке,
К готовой отвязаться бичеве!

1963

Вероятно было очень нужно
Этот мир продлить и сохранить,
Если нам, усталым и недужным,
Велено любить, терпеть и жить.

И вот в том, что так необходимо
Это утомительное зло,
Словно обещание хранимо,
Что не всё напрасно расцвело.

Будем же, всему прилежно внемля
И всего касаясь на пути,
Огибая медленную землю,
Долгою тропинкою идти.

Ведь тропинка каждая, запомним,
Нас всегда к чему-то приведет.
Может быть к пустой каменоломне?
А быть может к ангелу, что ждет?

Будем же, покамест без ответа,
Ничего не зная наперед,
Всё-таки идти тропинкой этой,
Той, что нас к чему-то приведет.

1964

Слишком просто, и не для поэта,
А для всякой совести земной,
Взять да и поверить, будто это
Навсегда закончится с тобой.

Слишком просто! Всё кругом так сложно
Тайною овеян и храним
Каждый жалкий камень придорожный,
Каждый лист, упавший рядом с ним.

Почему же ты проходишь мимо
Этой тайны камня и листа,
Мимо тайны, явной и незримой,
Что вокруг повсюду разлита?

Попытайся к этой тайне малой,
К ней хотя бы, ближе подойти!
Этого довольно для начала,
Для начала твоего пути.

1964

Какой-то сложной неувязке в мире
Обязаны мы жизнью и судьбой,
Какой-то вспышке прихоти в эфире,
Какой-то брызге, что метнул прибой.

И мы теперь должны исправить сами
Ошибку тех несовершенных дней,
Пытаясь по замшелой криптограмме
Ее понять и помириться с ней.

А кто не может? Для кого в ответе
За все загадки неба и земли —
Слепой старик и плачущие дети,
Замерзший дрозд и мотылек в пыли?

На что ему тома большой науки,
Как одолеть ему премудрость ту,
Когда со строчкой каждодневной муки
Управиться ему невмоготу!

1965

Расплачиваться надо за вино,
За горсть зерна, за поцелуй беспечный,
За всё, за всё, что здесь тебе дано!
А за любовь? За ту втройне конечно!

Но вдумайся: не стóит ли она
Такой опустошающей расплаты?
Она была ведь горячей вина,
Необходимее, чем горсть зерна
И всеми поцелуями богата.

Так не скупись на папиросный дым,
На слезы, на отчаянье, на муку
Слепых шагов по улицам ночным!
Плати! Твой ростовщик неумолим:
Вот он опять протягивает руку!

1965

Шуршанье ящериц в камнях Равенны,
Писк ласточек над площадью Сиены,
Смех девушек на уличках Салерно,
Мальчишеские крики у таверны,
Весь этот говор италийской плоти —
Он старше Данте и Буонарроти
И может быть бессмертней их обоих.
Он крепче их земную вечность строит.
И вслушиваясь в смех, и писк, и шорох
Я думаю о мелочах, которых
Векам и безднам одолеть труднее,
Чем пышность человеческой затеи.

1963

Есть давно утерянные годы,
Есть давно умолкнувшее детство,
Есть стихами прозвеневший город —
Пушкинское стройное наследство.

В мае там сирень, в апреле — вербы,
В сентябре — рябина, дождик, слякоть . . .
Как туда вернуться я хотел бы —
Просто для того, чтобы заплакать.

1963

Афродита из свежей пены
Вышла знойна и весела,
Афродите былой на смену,
Той гречанке, что умерла.

Я бродил с ней вдвоем по пляжу,
Я твердил, что в нее влюблен,
Что она мне желанней даже
Самой лучшей из древних жен.

Уверял ее: «Дита, знаешь,
«Ты не хуже ее ничуть,
«Ты как пена в объятьях таешь
«И твоя словно мрамор грудь!»

Не для той, что давно истлела,
Мы слагали в веках стихи,
Были жалки и были смелы
И на всякие шли грехи.

А для девочки бестолковой,
Что в пути попадалась нам,
Щеголяла нарядом новым
И глазела по сторонам.

О, богиня! Тут нет измены!
Ведь мерещится сгоряча
Легкий шепот эгейской пены
У прижавшегося плеча!

1962

Ты камешек взяла с дороги,
Которой мы, целуясь, шли.
О, как обманчиво убоги
Порой сокровища земли!

Ведь для тебя, в твоей ладони,
Он потаенно расцветет
Закатным золотом на клене,
Дыханьем трав, журчаньем вод.

А если ты порой, тоскуя,
К нему прильнешь горячим ртом —
Еще и нашим поцелуем
В тот день, на том пути лесном.

1963

Пусть еще мы как слепые бродим
По пространствам и по временам —
Иногда мы всё-таки находим
Губы предназначенные нам.

Выдадут себя прикосновеньем
(Нет других настойчивых таких),
Тем еще, что в это же мгновенье
Самый шумный город станет тих.

Вкусом тоже: есть у них порою
Привкус соли — это оттого,
Что от нетерпенья быть с тобою
В кровь они искусаны давно.

Опознав их по приметам этим,
Бережно те губы сохрани,
Потому что нет других на свете,
Что к твоим прильнули б как они.

1964

Я знаю комнату, в которой
Ты будешь плакать обо мне.
Когда? Быть может очень скоро,
Уже быть может по весне.

Мне будет всё тогда возможно
И, знаешь, я к тебе приду,
Но бережно и осторожно,
И не во сне и не в бреду.

Приду, уйду — и не был будто . . .
Но если на другой же день
В окно ты улыбнешься утру
И тронешь, проходя, сирень,

И станешь меньше, нелюдима,
Одна по улицам бродить —
Знай, это я вчера незримо
Пришел помочь меня забыть.

1964

Прими мои простейшие стихи!
Для них поэтом даже быть не надо!
Ну разве только не совсем глухим
К цезурам, стóпам и другим обрядам
Поэзии . . . И ты меня прости,
Что не цветущей я иду тропою!
Мне — не до развлечений на пути,
Мне хочется скорей тебя найти,
Найти в стихах и там побыть с тобою.
Найти такой, какою ты была
В апрельский этот день со мною рядом,
Ту, что себя как ветку отдала
Идущему завечеревшим садом:
Так ясно, просто подчинясь всему,
Затрепетав лишь от прикосновенья
И надломившись мягко . . . То мгновенье
Хочу я встретить и спешу к нему —
И вот оно со мной в стихотвореньи.

1963

Я растерял их по пути,
Слова не сказанные мною.
Теперь их больше не найти,
Как теплых ласточек зимою.

Я был порой небрежен к ним —
Они снялись и улетели . . .
Но может быть они к другим
Вернутся в будущем апреле?

1964

Новые стихи

(1965-1966)

Есть в русском языке опушки и веснушки,
Речушки, башмачки, девчушки и волнушки
И множество других, таких же милых, слов.
Я вслушиваться в них, как в музыку, готов.
Веселой нежности полны они и в этой
Веселой нежности — их светлая примета.
И если по́-лесу я осенью пройду
И на опушке там волнушки я найду,
Иль повстречаю я девчушку, чьи веснушки
На солнце запестрят и заалеют ушки —
Вдвойне доволен я нежданной встречей той!
О, русский мой язык, прекрасный спутник мой!
Движениям души неразделимо вторя,
Равно находчив ты и в радости и в горе!
Для горя тоже ты смягчил слова свои:
Могилка, вдовушка, слезинка . . . — сколько их!
Да что тут говорить, нагромождая строки!
Мы знаем все тебя: просторный и глубокий,
Со всякой ты своей управишься судьбой!
Прекрасный наш язык — нам хорошо с тобой!

1966

Теперь на свете перемен немало
И может быть уже заметил кто,
Что в городе и смерть иною стала,
Почти такой как в фильме у Кокто!

Их больше нет, эмблем наивно-старых:
Часов песочных, черепа, косы —
Она, как все, гуляет по бульварам
И смотрит на браслетные часы.

Задержится на шумном перекрестке,
Зайдет в больницу иль в игорный дом,
В изящном платье, с модною прической
Появится в отеле дорогом.

Ее прикосновенья стали мягче
И не слыхать порой ее шагов,
А голос и внимателен и вкрадчив,
Как у сиделок и у докторов.

Я с ней знаком. Она всё чаще нынче
Проходит мимо моего крыльца,
И всё ясней, понятней и привычней
Становятся черты ее лица.

Она порой задумается словно,
Замедлит шаг: зайти иль не зайти?
И вновь уйдет своей походкой ровной,
В другие лица глядя по пути.

Конечно это только проволочка,
Она придет, она войдет, она
Перечеркнет слабеющую строчку,
Которая казалась так нужна.

Я знаю, что мечта моя нелепа,
Но как хотел бы тем ей отплатить,
Что эта строчка розою из склепа
Сумеет вновь, ей вопреки, ожить!

1966

Не женским телом, даже не стихом
Измучен был я в этой жизни краткой,
А вечными догадками о том,
Что всё-таки осталось мне загадкой.

Напрасный труд! Но как он был хорош
Мучительным восторгом приближенья!
Казалось: шаг — и ты уже дойдешь
И четкой явью станет наважденье.

Но каждый раз, конечно, всё в провал
Летело, падало — лишь сердце билось,
Пока я наконец не перестал
Вымаливать немыслимую милость.

Но сердце . . . Сердце даже и теперь
И ждет еще, и слушает, и верит . . .
Пусть не стучусь я больше в эту дверь,
Но всё же я не отхожу от двери.

1966

След письма на пропускной бумаге
Можно снова в зеркало прочесть,
Только знай: в его застывшей влаге
Точность есть и беспощадность есть.

Так любовь порой в воспоминаньи
Заново нам лучше не читать,
Все слова, все знаки препинанья
Сызнова ничем не проверять.

Лучше нам не приближать напрасно
Разума зеркального к тому,
Что осталось смутным и неясным —
И быть может лучшим потому.

1966

Сложи свои распахнутые крылья
И мудрости последней научи,
Как без тоски, без страха, без усилья
Нащупать дверь и подобрать ключи.

Чтоб наконец, спокойною рукою
На ручку двери медленно нажав,
Уйти туда, где буду я с тобою
Среди ничем не запыленных трав.

1966

Я их изведал, радости земли:
Леса, тропинки, волны, корабли,
Прикосновенья, рифмы, поцелуи...
Мне кажется, что их с собой возьму я,
Притом никак не в одиночку, но
Неразличимо слитыми в одно,
Как будто память их соединила
В единый вздох о том, что было мило,
В тот долгий вздох, которым, не спеша,
Наполнится, чтоб отлететь, душа.

1966

Я говорил с Тобой. Сияли зори.
Густым прибоем пенилась трава.
Но тем же всё тысячелетним горем
Мои земные полнились слова.

Из тесноты моих противоречий
Опять к Тебе подняться я не смог
И Ты не стал мне ближе после встречи
На перекрестке полевых дорог.

Но сколько их! Они уводят в дали,
Которым нет названья и числа!
И если мы сегодня повстречались —
Последней эта встреча не была.

1965

Ты был так добр ко мне! Ну а к другим?
К тем, что меня гораздо лучше были?
Зачем и сам Ты не нагнулся к ним
И ангелы Твои о них забыли?

И вот они — погибли, я — живу.
А почему — мне непонятно это.
Как солнца луч, упавший на траву,
Ты мой вопрос оставишь без ответа.

Мне дан был этот луч. Едва-едва
По мне скользнул и уберег. А рядом
Прохожими истоптана трава
Иль скошена, а то побита градом.

Твой странный луч! Как будто неживой...
Как будто он рассеянно и слепо
Скользит, перебегая, над травой,
Щадя случайно и казня нелепо.

А может он меня не обошел,
Всё расценив и все приняв решенья?
Как мне понять твой мудрый произвол,
Загадку твоего осуществленья?

1965

Уже в глагольном окончаньи
На это ласковое «ла»
Вся нежность женского касанья
Созвучьем чистым расцвела.

«Прочла», «Пришла», «Нашла», «Любила» —
Глаголов всех не перечесть.
Но помни: в них лишь то, что было,
Но никогда не то, что есть.

И эта нежность русской речи
(В других ее как будто нет)
Уже и со вчерашней встречи
С тревогой смотрит нам вослед.

Что если даже эта встреча,
С ее еще звенящим «ла»,
Той нежности противореча,
Уже последнею была?

1966

В овражке пахнет теплой земляникой
И так уютно догнивают пни.
Не надо: не аукай и не кликай —
Ведь это хорошо, что мы одни!

И это ничего, что мы вернемся
С порожними корзинками к другим
И оба принужденно засмеемся
И оба невпопад заговорим!

Пускай поймут, что в быстрых взглядах
наших
Недавний трепет счастья отражен,
А рот не теплой ягодой окрашен,
Но жадным поцелуем обожжен!

1946—1966

Давно и птицы перестали петь,
И день короче, и цветы беднее
И как-то чаще тянет посидеть
На той скамейке, что в конце аллеи.

Там не окликнут, не пройдет никто,
Там ты уже почти полузабытый.
И до калитки так недалеко,
До той, что вот уже полуоткрыта.

1965

Я всё-таки промолвил слово
Совсем заветное, свое.
Ко всем превратностям готово,
Оно скользнуло в бытиё,

И где-то и живет и дышит
На свой, такой негромкий, лад.
Но может быть его услышат,
А кто услышит — будет рад?

Оно мне долго не давалось
И до сих пор я не пойму,
Какая радость иль усталость
Меня приблизила к нему.

Иль это он, мой Ангел, снова
Меня от гибели храня,
Он подсказал мне это слово?
Наверно пожалел меня.

1966

Моя земля! Тюремщик старый мой,
С недобрым взглядом, с жадною рукою,
Своей довольный древнею тюрьмой,
Не знающий, что где-то есть другое!

И вся тоска такого бытия
Невыносимой стала б мне обузой,
Когда бы не племянница твоя,
Что отзывается на имя Муза.

Она рыжеволоса и стройна.
Через решетку узкого окошка
Слежу за тем, как на дворе она
То кормит голубей, то гладит кошку.

Когда все спят, она приносит мне
Перо, чернил, клочок бумаги грубой
И, уходя, в полночной тишине,
В дверях, зардясь, протягивает губы.

Когда́-нибудь настанет мой черед
Привычное покинуть заточенье,
Но только будет, знаю наперед,
Нерадостным мое освобожденье.

Как с девочкой моей расстанусь, с той
Лукавою сообщницей моею,
Что, торопясь по лестнице крутой,
Несла мне право жить моей мечтой —
То лучшее, что я сейчас имею!

1966

СТИХИ О СТИХАХ

1

Судьба стихов порой такая,
Как у того грибка, что ты
Нашел, один в лесу блуждая,
И чистишь около плиты.

Грамм чувства, капля вдохновенья,
Щепотка рифм — и быть беде!
Вот слышится уже шипенье
На творческой сковороде.

Вот и готово. С пылу, с жару,
Закончив наконец возню,
Под арфу или под гитару
Смакуешь ты свою стряпню.

Ты умилен, ты растревожен,
Твоя вскружилась голова!
Стряпня же вовсе непохожа
На то, что ты нашел сперва!

О где тот лес, те пятна света,
Тот сероватый бугорок,
Где, хвоей бережно согретый,
Тебе навстречу рос грибок!

Лишь там себя явило чудо,
Просились в мир его черты,
А здесь . . ., а здесь всего лишь блюдо,
Да вот и то испортил ты!

2

Я не из жадности соскабливаю мёд
До капли с блюдечка передо мною.
Меня совсем иная мысль зовет:
Мне совестно перед пчелою!

Вот так и ты всегда стихи читай!
Будь бережным, внимательным и зорким!
За ними мы летаем в дальний край,
Порой от зорьки и до зорьки!

Вникаем, словно в чашечки цветов,
В раздумья мира и его заботы
И для одолженных нам ими слов
Так терпеливо лепим соты.

Тебе попасться может скверный мёд,
Осиный, не с лужайки, а из чащи —
Не огорчайся очень: день придет,
Когда ты купишь настоящий!

1966

Его вчера срубили. Что осталось
От всех его упрямых, гордых лет?
Немного щепок, дрог крестьянских след,
Да свежий пень. Здесь я побуду малость
И напишу всего десяток строк,
Но станет в них всё сызнова как надо:
Дуб, воротясь, прошелестит прохладой
И распахнется, волен и широк.
И так же быстро оживет наверно
Узор листвы и веток тяжкий взлет
И, выскользнув из чашечки неверной,
На землю первый жолудь упадет.
Смотри: весь дуб перед тобою снова
И нет того, что было свершено!
Вот так обратно возвращает слово
Всё то, что срублено и сожжено.

1966

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «След жизни» (1950 г.).

Из сборника «Навстречу небу» (1952 г.).

Из сборника «Неуловимый спутник» (1956 г).

Из сборника «Прикосновенье» (1959 г.).

Из сборника «Уходящие паруса» (1962 г.).

Из сборника «Разрозненная тайна» (1965 г.).

Новые стихи (1965—1966 гг.)